Магические легенды

ЯРОСЛАВА
ЛАЗАРЕВА

ЛЮБОВНИЦА ЛИЛИЙ

Магические легенды

Ярослава Лазарева

Любовница лилий

«Автор»
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лазарева Я.

Любовница лилий / Я. Лазарева — «Автор», 2017 — (Магические легенды)

ISBN 978-5-699-95080-5

Соланж де Морт – загадочная девушка, притягивающая мужчин. Она гоняется за настоящим чувством, но получает лишь секс. Никто не может полюбить ее. Познакомившись с ней ближе, все ее мужчины уходят. Виктор Романов принадлежит к той же тайной организации, что и Соланж. Они – члены Ордена Ловцов самоубийц. И он попадает под ее магнетическое обаяние, очаровывается ее сложной личностью, не может противостоять физическому влечению. Но скоро он понимает, что Соланж совсем не та, за кого себя выдает, она иная, она любовница лилий…

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95080-5

© Лазарева Я., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Глава первая 6
Глава вторая 28
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Ярослава Лазарева
Любовница лилий

Серия «Магические легенды»

© Лазарева Я., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

«Настоящая любовь поглощает человека целиком, одурманивает и оглупляет. Он уже не принадлежит себе полностью, связь между любящими похожа на неразрывные цепи. Вся их жизнь меняется, переходя в другое качество.

Любящий ловец не контролирует себя. И часто его способности, данные при посвящении в Орден, притупляются или вовсе исчезают. Это опасно прежде всего для него. Поэтому и высшие, и низшие ловцы обязаны следить за эмоциональным состоянием и при возникновении подобной ситуации принимать меры.

Но если от любви избавиться невозможно, ловец обязан незамедлительно покинуть Орден. Его память будет выборочно очищена, и он вернется к обычной жизни».

Из Устава Ордена ловцов

Глава первая

Склоны холмов заволакивал густой туман. Встающее слабое солнце с трудом пробивалось сквозь вязкое марево и окрашивало пространство в казавшийся зловещим красновато-сиреневый тон. Байкал был плотно укрыт этим пушистым слоем, и Виктор тщетно вглядывался в даль. Бледно-серое небо над головой, заходящая полная луна, размытые очертания вершин холмов, а все остальное – шевелящаяся зыбкая масса, рождающая в его взвинченном воображении невиданных чудовищ…

Еще вчера вечером, когда он приехал на остров Ольхон, главное святилище бурятских шаманов, ему казалось, что все происходит правильно и он на верном пути. Виктор навел справки в тайных источниках Ордена и точно знал, что этот метод поможет ему. Суть таинства заключалась в том, что посвященная вынимала часть энергетического поля и «загоняла» туда все, что приносило вред клиенту. Обычно это была какая-то болезнь, вызванная негативными программами, привнесенными извне, в простонародье называемыми – сглаз, порча, наговор, приворот. Но Виктор страдал любовью, и это для него было страшнее неизлечимого заболевания. Ловец не имел права на сильную привязанность, и тем более на настоящую любовь. Это категорически запрещалось правилами Ордена Ловцов, к которому принадлежал Виктор. Он пытался избавиться от этого чувства всеми известными ему способами, включая гипнотический транс, но ничего не помогало. Он уже решил обратиться с этой проблемой к своему начальнику Идрису, чтобы тот отправил его в специальный отель Ордена, но все тянул с признанием, надеясь избавиться от этой напасти самостоятельно. Был и еще один вариант: высший стирал те отрезки памяти, которые касались предмета любви. Но такая чистка использовалась в крайнем случае. К тому же метод был с изъяном: стоило влюбленным встретиться, и чувство вспыхивало вновь. Виктор пока оставил все как есть, он продолжал любить Лизу, но чем дольше не видел девушку, тем острее и сильнее жаждал ее. Они расстались в июне, это произошло в Венеции. Лиза просто исчезла из его жизни, ничего не захотев объяснить. Да и связь у них была странной, на серьезные отношения она не тянула, скорее это был ни к чему не обязывающий секс. Но для Виктора эта встреча оказалась роковой. Впервые в жизни он полюбил. Сейчас была середина августа, его чувство за это время окончательно окрепло и приобрело вселенские масштабы, именно так он ощущал. А ловцы с трудом справлялись с чрезмерными эмоциями, они обладали невероятной чувствительностью, и чем дольше служили Ордену, тем сильнее раскачивалась их психика. Это была «оборотная сторона медали», своеобразная плата за дающиеся при посвящении в Орден сверхспособности. Отслеживать самоубийц, уводить их от последнего шага любыми способами, оберегать от вездесущих прилипал, давать иммунитет от суицида – такие обязанности требовали постоянного напряжения и вызывали сбои в настроении: от взлетов к вершинам эйфории до глубокого падения в бездну депрессии.

Ольхон считался сакральным центром северного шаманского мира. По преданиям бурятов, там по сей день обитали грозные духи Байкала. Когда-то на этот остров спустился с небес Хан-Хото-бабай – посланник высших богов. Здесь все еще живет и его сын – Хан-Хубуу-нойон, принявший образ белоголового орла-беркута. Все шаманы поклонялись верховному божеству Хухэ Мунхэ Тэнгри (Вечное Синее Небо). Перед тем как сюда приехать, Виктор с любопытством ознакомился с этой информацией. У него давно развилось особое отношение к новым знаниям, и он впитывал их жадно и с удовольствием. И мифы уже не казались сказками, они были наполнены событиями, которые реально происходили в древние времена. Обладая определенными способностями, он мог проникнуть в параллельные миры и увидеть то, что для обычного человека было сокрыто. Это касалось и духов, ангелов,

призраков и других потусторонних сущностей. Виктор при желании мог их видеть и даже общаться.

Шаманку, которую он нашел, звали Сойжима, что значило «исцеляющая». Поначалу она пристально и молча смотрела на незваного гостя. Посвященная соглашалась на контакт не с каждым просящим и денег за свою работу не брала. У шаманов имелось нерушимое веками правило: не все болезни нужно лечить, многое дается человеку как урок, и он обязан самостоятельно изменить что-то в своей жизни. Поэтому часть просителей отправлялись восвояси, так и не получив желанной помощи.

Сойжима смотрела в глаза гостя минут пять. Он, в свою очередь, по привычке пытался сканировать ее энергетическое поле. Виктор понимал, что суицидальных наклонностей у шаманки быть не могло в принципе, но делал это из любопытства. К его изумлению, аура будто отсутствовала. Он даже зажмурился и потряс головой, но картинка не изменилась. Шаманка умело защищалась от его взгляда-рентгена.

– Ты не обычный человек, – сказала она после паузы и прищурила и без того узкие глаза.

– Да ладно, – небрежно ответил Виктор.

– Зачем так нервничать? – спросила Сойжима и неторопливо раскурила трубку.

Виктор ощутил аромат каких-то терпких трав и мгновенно поддался их расслабляющему действию. Ненужное волнение ушло, разум слегка затуманился, он начал расслабляться.

– Ты… суперчеловек, если говорить вашим языком, – продолжила шаманка. – И наделен какими-то неведомыми мне и невероятными способностями. Я это вижу. И не понимаю, зачем тебе я? Ты и сам можешь исцелять не только себя, но и других. Вижу, ты многих спас от смерти. Но ты… сильно разбалансирован. Это я могу поправить, если ты сам не в состоянии выровнять энергию и успокоить ее.

– Я люблю девушку, и мне необходимо избавиться от этого чувства, – просто сказал он и вздохнул.

Перед внутренним взором появилось нежное лицо Лизы, ее светло-пепельные волосы развевались, словно ими играл легкий ветерок, серо-голубые глаза сияли, бледно-розовые губы улыбались.

– Уйди, исчезни, – пробормотал Виктор и закрыл лицо руками.

– Любовь – это от неба, – заметила Сойжима, наблюдая за ним. – Зачем хочешь избавиться? Это не болезнь.

– Для меня это как смерть, – тихо признался он. – Ты сама увидела, что я многих спас. Но если буду любить, то больше никому не помогу. Таковы условия… моей работы.

– Первый раз за всю мою практику просят избавить от чувства, – сказала шаманка. – Люди обычно пытаются притянуть любовь.

– Помоги! – с мукой в голосе произнес Виктор. – Словами трудно объяснить всю сложность моей ситуации. Если обладаешь навыками считывать информацию с личности, то я открыт для тебя.

Виктор встал перед ней. Он смотрел прямо в глаза Сойжимы. Она отложила недокуренную трубку, взяла его правую руку и положила свою ладонь на нее, погрузив острый взгляд в глубь его все расширяющихся зрачков.

– Хорошо, я все поняла, – после очень долгой паузы сказала шаманка. – Ты служишь добру и свету, но это опасно и даже страшно для обычного человека. Поэтому ты… посвящен. И я помогу. Ты удачно приехал. Через два дня полнолуние. Это время обряда. Как только луна, после максимального наливания, пойдет на убыль, можно будет разъединять энергии.

И в нужное время, на заре, она привела его на один из склонов. Местность выглядела безлюдной, туман искажал очертания пейзажа. Заходящая луна казалась серебряной и давала размытый встающим солнцем молочный свет. Виктор стоял босиком на влажной от росы траве, он был полностью обнажен и поеживался скорее от затаенного страха, чем от утренней сырости. Шаманка разложила белую хлопчатобумажную ткань перед ним и что-то пробормотала. Он разобрал: «Ко льну прильнет любовь, и охладится кровь» и улыбнулся кажущейся наивности заклинания. Ненужное волнение начало уходить, появилось любопытство. Сойжима расправила ткань, отошла на шаг и раскрыла руки, как крылья. Она что-то невнятно бормотала, закрыв глаза. Подул легкий ветерок, с озера понеслась какая-то тень, раздался крик птицы, и над их головами пролетел огромный орел. Виктор успел разглядеть, что голова у него белая. Шаманка упала ниц, она лежала на животе возле расстеленной ткани, ее затопила золотистая энергия, и женщина казалась центром какого-то невиданного светила.

– Великий Хан-Хубуу-нойон дал мне благословение на этот обряд, – раздался ее тихий голос. – Все верно, все, как и должно быть. И я избавлю тебя от этого чувства.

Виктор лишь молча вздохнул. Дальше все пошло без заминок. Сойжима велела молодому человеку лечь на ткань и начала закатывать его, укрывая с ног до головы, словно в тугой кокон. Она снова бормотала о «льне, к которому прильнет любовь», но Виктор уже не прислушивался. Он ощущал странное воздействие прохладной ткани, окутывающей его обнаженное тело. Она будто становилась все холоднее и забирала его жар. «Выкатывание» было проведено семь раз. Затем Виктор встал, а шаманка развела костер и бросила туда ткань.

– Лен забрал, лен гори, вместе с ним любовь умри, – бормотала Сойжима, вороша палкой горящие остатки ткани. – Хухэ Мунхэ Тэнгри, прости! Не болезнь, любовь я жгу, но не мне изменить судьбу…

Виктор молча наблюдал за окончанием обряда и пока не понимал, что чувствует. Однозначно ему было холодно, но ведь, оставаясь сырым утром без одежды, другого ожидать не приходилось.

Но вдруг что-то изменилось. Сойжима застыла, глядя в небо, на ее непроницаемом лице появился ужас. Виктор невольно проследил за ее взглядом. Туман сгустился над ними, и в его мутном мареве появились черные очертания, словно нарисованные дымом от костра. Виктор увидел поникшую розу и вздрогнул от дурного предчувствия.

– Смерть! – вскрикнула шаманка и упала, закрыв голову руками.

Внутри очертаний розы возникло женское лицо. Виктор не сомневался, что видит Соланж. Она смотрела на него в упор, ее губы кривила усмешка, глаза сверкали, словно сквозь туман искрили утренние звезды. Из миража потянулась вниз бледная рука, она собрала остатки дыма от угасающего костра и будто запечатала их в очертания черной розы, плотно сомкнув ее лепестки.

– Забираю твою любовь себе, – глухо проговорила Соланж.

В этот момент возле черной розы, словно ниоткуда, возник белоголовый орел.

– Великий Хан-Хубуу-нойон, помоги! – воззвала к нему шаманка.

Орел, издавая грозный клекот, бросился на мираж, но пролетел сквозь него. Воздушный рисунок заколыхался, затем сгустился, сжался в точку, «расцвел» взлетевшими легкими серыми хлопьями пепла. И исчез. Хлопья плавно опустились на Виктора. Он нервно стряхнул их и глянул на шаманку.

Сойжима смотрела сурово.

– Ты таскаешь за собой нечто и не предупреждаешь об этом, – с упреком произнесла она. – Такая форма существования нам неведома. Но это из самой преисподней.

– Прости, но я и сам не знаю, кем или чем является Соланж, – ответил он. – Мы принадлежим к одной организации, и определенные догадки на ее счет у меня имеются.

– На верхних позвонках у тебя два клейма, – продолжила шаманка. – Это знаки твоей организации?

– Да, – тихо подтвердил Виктор.

– Это розы… И в небе появилась черная роза. Но это… Пахло смертью.

– Я могу объяснить, – торопливо прогово-рил он.

У Виктора вдруг возникло непреодолимое желание поделиться, рассказать все о Соланж. Она была высшей Ордена, и сообщать об этом запрещалось кому бы то ни было, но он точно знал, что дальше шаманки информация не пойдет.

– Не надо ничего говорить! Лишние знания засоряют разум, – резко ответила Сойжима. – Это ваши дела. А я свое обещание выполнила, обряд провела, любовь изъяла.

– Это так, – еле слышно ответил Виктор. – Но, судя по всему, ее забрала Соланж.

– Не моя вина, – сказала Сойжима.

– Это так, – повторил он.

Виктору захотелось уйти, он ощущал холод и опустошение, вызвавшие жуткий упадок сил. Он оделся и остановился напротив Сойжимы. Она смотрела внимательно. Выражение ее лица изменилось: вместо недовольства появились нескрываемые жалость и сочувствие.

– Тебе не позавидуешь, – после паузы заявила шаманка. – И вот что… Признаю, все же это моя вина, – добавила она. – Я должна была почувствовать неладное, но словно кто-то или что-то затмило мой разум. И мы сейчас же отправимся к моему другу Анжилу. Я так решила!

И Сойжима, не дожидаясь ответа, начала спускаться с холма. Виктор пожал плечами, но ничего выяснять не стал и последовал за ней. Его силы все еще не восстановились до конца. Слабость вызывала сильное потоотделение, он начал задыхаться, со лба капало, по спине текли струйки. Шаманка глянула на его покрасневшее лицо и замедлила шаг. Виктор пристроился рядом и старался не отставать.

– Анжил – дархан, белый кузнец, – решила она пояснить, хотя Виктор ни о чем не спрашивал. – Это священное ремесло, оно передается по роду, а произошло от небесного кузнеца по имени Божинтой.

– Белый кузнец, ну-ну! А что, есть и черные? – ехидно поинтересовался Виктор.

Он ощутил, как накатывает неизвестно откуда взявшаяся злость.

– Есть, – подтвердила Сойжима. – Но это не означает, что дарханы делятся по принципу добра и зла. Черные поначалу работали с железом, а белые – с серебром. Их так и называют: мунгэн дархан – серебряный мастер.

– И зачем ты ведешь меня к этому дархану? – уточнил он, пытаясь справиться с сильным раздражением.

– Тебе необходим мощный амулет, – пояснила шаманка.

Виктор недоверчиво усмехнулся, но от комментариев воздержался. Она остановилась и пристально на него посмотрела.

– Чего уставилась? – ядовито спросил он.

– Я так и знала! – ответила шаманка. – Изъяв часть счастливой энергии, я нарушила равновесие. Хотя ты и так был сильно разбалансирован.

– Без тебя знаю! – резко проговорил Виктор. – Работа у меня такая, что никаких нервов не хватит.

– Постарайся добавить в жизнь удовольствия, – мягко посоветовала она. – Развлекайся, делай то, что приносит радость. Хотя бы так восстановишь баланс. Иначе быстро превратишься в нелюдя и злыдня.

– Извини, – пришел в себя Виктор. – Я буду контролировать эмоции.

Через полчаса они оказались возле какого-то небольшого селения, раскинувшегося у подножия холма и окруженного древними кряжистыми лиственницами. Сойжима привела Виктора к крайнему, обычному на вид деревенскому дому. Она обогнула его и зашла на зад-

ний двор. Виктор увидел невысокое, в один этаж, добротное строение. Шаманка направилась туда.

– Что-то не похоже на кузницу, – пробормотал Виктор, прислушиваясь. – А где звук бьющего молота, шипение раскаленного металла, опущенного в воду?

– Я же сказала: белый кузнец! Кует серебро и другие подобные металлы, а не делает топоры, ножи, подковы и прочее. Чем ты слушал? Хотя в таком состоянии мои слова мимо ушей…

– Значит, серебряные поделки, – пробормотал Виктор, – практически местный ювелир.

– Ты снова напряжен и даже раздражен. Не поддавайся разрушающим эмоциям, – посоветовала она и стукнула в закрытую дверь кузницы.

– Стараюсь, но это чертовски трудно, – признался он. – Злоба так и распирает изнутри, ненавижу весь мир.

– Скоро пройдет, – уверенно ответила шаманка. – А пока твоя психика пытается приспособиться.

– Я должен любить людей, иначе не смогу работать, но в эту минуту я законченный мизантроп, – нервно проговорил Виктор.

– Не волнуйся, я вынула только одну часть энергии, обращенную на конкретную девушку, – сказала Сойжима. – А любовь многообразна. Скоро твое состояние выровняется.

– А вдруг ты забрала все? – испуганно предположил Виктор. – Как ты могла точно определить, где любовь к Лизе, а где – к человечеству?

– Это легко, – с улыбкой ответила шаманка. – Я взяла лишь ту часть, где имелся сексуальный окрас. Вряд ли ты хотел заняться сексом со всем человечеством.

Виктор улыбнулся в ответ и почувствовал облегчение.

Когда они оказались внутри, он увидел что-то типа холла. Дверь в мастерскую раскрылась, появился низкорослый, крепко сбитый бурят неопределенного возраста. Сойжима быстро представила мужчин и изложила свою просьбу. Анжил остро глянул на гостя и помрачнел. Виктор снова ощутил накатывающее вместе с приливом сил раздражение. Он подумал, что никакие амулеты ему по жизни помочь не могут, и шаманка зря все это затеяла. Хотелось уйти, но это выглядело бы невежливо. Виктор, правда, по привычке, отсканировал поле кузнеца. Его цвет радовал, он был насыщенным зелено-золотистым. И это говорило ловцу о здоровье и благополучии. Виктор давно для себя определил, что у каждого человека имеется четыре тела: физическое, ментальное, астральное и эмоциональное. И если они были в гармонии, то аура светилась чистыми насыщенными цветами. Обычно это были зеленые тона.

– Пойдемте со мной, – пригласил Анжил и толкнул соседнюю с мастерской дверь.

Они оказались в небольшой гостиной, превращенной в выставочный зал. Виктор с любопытством разглядывал разложенные на витринах работы кузнеца. Здесь были традиционные бурятские украшения: височно-нагрудные, накосные и даже наспинные, всевозможные кольца, браслеты, серьги. Виктор склонился к одной из витрин и залюбовался туйбой, состоящей из «моор» (золотая монета в оправе) и прикрепленными к ней мелкими бусинами коралла.

«Если бы у меня была близкая женщина, я бы с удовольствием преподнес ей такое украшение», – мелькнули непрошеные мысли.

Но они тут же вызвали острую боль. У Виктора никого не было, мать умерла, последняя его сердечная привязанность, «девочка по вызову» Лолита, убита пару месяцев назад. И виновницей являлась Соланж. Виктор закрыл глаза. О Лизе он даже не вспомнил, а ведь еще несколько часов назад все его мысли были только о ней.

– Выбери сам, – услышал он голос и очнулся.

Анжил выдвинул ящик стола, находящийся в углу зала. Виктор подошел и увидел амулеты, лежащие в отдельных ячейках. Он бездумно смотрел на замысловатые формы, непонятные ему знаки, странные узоры. Рука словно сама потянулась к одному изделию из черненого серебра. Оно имело вид восьмиконечного креста. Центральный круг окаймляли зубцы, между четырьмя крупными – четыре более мелких; те и другие располагались крест-накрест, вписываясь в квадрат с чуть выгнутыми сторонами. Виктор вынул амулет, он приятно грел ладонь.

– Хоолобши? – явно удивился кузнец. – Оберег для невесты, символизирует солнечный диск и восемь направлений – четыре главных и четыре промежуточных.

– Мне нравится этот! – уверенно сказал Виктор.

– Дайте руку, нужно его привязать к вам и заставить оберегать.

Виктор без колебаний протянул правую руку. Анжил уколол его палец, выдавил каплю крови на амулет и позвал шаманку. Они вдвоем провели какой-то обряд, в суть которого Виктор не вникал. Он снова ощутил странный упадок сил, перед глазами отчего-то появилось бледное лицо Соланж. Ее губы улыбались.

– Носи, старайся не снимать, – услышал он и вздрогнул.

Сойжима надела амулет на его шею, видение Соланж тут же пропало, и Виктор снова ощутил облегчение.

– Хоолобши будет не только оберегать тебя, – сказала шаманка, – но и поможет выровнять энергию. А тебе сейчас это необходимо.

– Что я вам должен? – деловито уточнил он.

– Ничего, – ответил Анжил и улыбнулся. – Будь здоров!

Они вернулись к дому шаманки через несколько часов. Виктор практически пришел в себя, приступы немотивированной злобы пропали. От амулета шло приятное тепло и, казалось, оно проникало ему прямо в солнечное сплетение. Он попрощался с Сойжимой, искренне поблагодарил за все, но она смотрела с затаенной грустью.

– Может… – неуверенно начал он, глядя в ее узкие глаза, – что-то пожелаешь? Какие-то рекомендации? Ведь ты все знаешь обо мне.

– Не имею права вмешиваться, – ответила она. – Я пыталась помочь, ты сам видел, что из этого вышло. Но любви к той девушке в тебе больше нет.

– Спасибо, – тихо произнес он.

– Не благодари. Ведь твоим чувством… завладела смерть.

– Что ты видишь? Скажи! – умоляюще проговорил Виктор.

– Ничего! – твердо ответила Сойжима. – Не вижу, потому что не хочу. Разбирайся сам. Но амулет носи, не пренебрегай этим. Я дала тебе защиту… Считай, это мое извинение за то, что обряд прошел не так, как должен был.

– Принято, – коротко ответил Виктор и пошел прочь.

Из записной книжки:

«Хурал (значение) – молебен.

Чойжил-сахюусан.

Ритуал подношения торма Держателю самай Дхармарадже, включающий умилостивление, покаяние, восхваление и просьбу.

Чойжил (санскр. – «Яма Дхармараджа», тиб. – «Щинджe Чойгьял») – владыка смерти, он защищает от злых духов. Также является судьей мертвых, вершителем закона воздаяния и могущественным заступником всех несправедливо обиженных людей.

> Хурал Лхого намщей (бур. – «hуга намши») выполняется для избавления умершего от страданий – страха, голода, жажды. Он помогает усопшему осознать свою смерть, не быть в смятении и беспрепятственно обрести новое счастливое рождение».

С момента обряда на Ольхоне прошло две недели. Все это время Соланж не давала о себе знать. Виктор окончательно пришел в себя, внутренняя гармония практически восстановилась. Но его сердце освободилось, и это тут же сказалось на работе ловца. Ничто более не затуманивало его разум, не мешало полностью отдаться поиску клиентов. Он снова ощущал драйв, все его существо было нацелено лишь на одно: опознать в толпе нужного человека, приблизиться к нему, моментально войти в доверие и сделать все, чтобы суицид не был совершен. Все его сверхспособности, данные при посвящении в Орден, вернулись и будто заиграли новыми красками, Виктор ощущал дикий подъем и радовался этому. Он съездил в Москву и за неделю пополнил свой послужной список на пятнадцать спасенных клиентов. Данные этих людей, как обычно, он отправил Идрису, чтобы тот внес их в базу. Высший в это время находился во Франции, но внимательно следил за работой своей пятерки. И был необычайно доволен преображением Виктора.

– В Венеции ты был словно не в себе, – говорил Идрис по скайпу во время сеанса связи. – И я уже всерьез подумывал, что тебе необходимо уединиться на какое-то время в одном из наших отелей.

Виктор смотрел в монитор и улыбался. Идрис выглядел, как всегда, значительно и внушительно: темнокожий, накачанный, с красивым мужественным лицом. Обычно он умело скрывал эмоции, но сейчас Виктор видел, как он доволен, его выразительные раскосые глаза сияли, крупные губы морщила едва сдерживаемая улыбка.

– Я справился с проблемами, – ответил Виктор. – И в монастырь мне пока рано! – весело добавил он.

Все ловцы боялись отелей Ордена, негласно считалось, что это своего рода тюрьма, из которой самовольно никто не может выйти. Ослабленных ловцов помещали туда и оставляли до тех пор, пока их энергетическое поле полностью не восстанавливалось. И хотя отели были роскошными, добровольно туда никто не стремился. Ловцы любили свободу и импровизацию в деятельности. Малейшее принуждение выводило их из себя и рождало протест. А чем дольше ловец служил Ордену, тем все более чувствительным и нервным он становился. И высшие пятерок берегли членов, как свою семью. Но в крайних случаях заточения в отель было не миновать. Виктор, полностью погрузившись в любовь к Лизе, почти утерял свои навыки и сильно ослабил способности. Он упустил потенциального клиента, это была девушка-модель по имени Анна-Кристина, в которой он не распознал суицидника, хотя видел ее за несколько часов до совершения акта. Затем были и другие непростительные промахи. Идрис несколько раз встречался с ним, но Виктор обещал, что в скором времени все исправит и начнет полноценно работать. В начале августа, когда он снова просмотрел клиента, пройдя в двух шагах от него и ничего не ощутив, он понял, что пора принимать кардинальные меры, и нашел шаманку. И был доволен результатом. Его, конечно, очень тревожило то, что произошло во время обряда, но пока Соланж никак себя не проявляла, а он не стремился ее найти. Виктор в первую очередь хотел реабилитироваться как ловец, а потом уже разбираться с тем, что сотворила Соланж.

Из Москвы он отправился в Санкт-Петербург и там славно «поохотился». Две столицы были и оставались благодатной почвой для ловли. Чаще всего самоубийства там совершались в состоянии глубокой и затяжной депрессии. Люди мегаполисов живут в неестественной для природы урбанистической среде, их психика подвергается постоянному стрессу, связанному с непрекращающимся потоком негативной информации, новым укладом бытия, в котором жизнь человека все меньше зависит от его действий. Огромная часть населения

мегаполисов – это приезжие, и зачастую они не уверены в завтрашнем дне и сильно подвержены фатальным депрессиям.

Из сети:

> «В 2015 году от самоубийств погибло больше граждан России, чем от дорожных аварий, говорится в ежемесячном докладе Федеральной службы государственной статистики о социально-экономическом положении в стране.
>
> Как сообщается на сайте Росстата, с января по октябрь покончили с собой 21,3 тыс. человек. Для сравнения: за тот же период жертвами несчастных случаев на транспорте стали 20,1 тыс. человек».

После такой успешной работы Виктор решил съездить в родной Ковров. Он планировал остаться там на неделю. Но заселился в гостиницу, хотя на окраине города имелся особняк, который он когда-то приобрел для матери. Дом был закрыт, в нем никто не жил. Виктор приехал утром, а ближе к вечеру ноги словно сами привели его туда. Он платил определенную сумму сторожу, и порадовался, что тот на месте. Как только он подошел к воротам, дверь небольшого строения слева от входа раскрылась. Показался высокий подтянутый мужчина лет сорока и строго проговорил:

– Нечего тут таскаться, это частное владение. Идите с богом!

– Петр Иванович, вечер добрый! – ответил Виктор, подходя к нему. – Это я. Не узнали?

– Ой, Виктор Викторович, здравствуйте! Не признал хозяина! Что ж вы пешком-то? И не пре-дупредили. Давно ли приехали? А багаж где?

Сторож метнулся за ключами и открыл боковую калитку. Виктор вошел на территорию и огляделся. Газоны были аккуратно подстрижены, дорожки выметены.

«Надо бы прибавить зарплату, – подумал он, направляясь к дому. – Повезло, что сторож оказался таким ответственным!»

Мужчины приблизились ко входу в особняк. И тут Петр Иванович замялся. Он явно не хотел идти дальше. Виктору слова были не нужны. Иногда ему казалось, что он легко читает мысли находящихся рядом людей. Рисунок движений, позы, мимика, а особенно глаза рассказывали ему то, что у человека творилось внутри.

– Ключи у вас есть? – стараясь говорить непринужденно, уточнил сторож.

– Конечно, – ответил Виктор и вынул из сумки небольшую связку.

– Ну, тогда я пошел, – сказал Петр Иванович. – Не буду мешать.

– А вы и не мешаете, – с улыбкой ответил Виктор и остановился, глядя ему в глаза. – В чем дело? Что-то не так? – напрямую спросил он.

Петр Иванович покраснел и отвел взгляд. Виктор ждал. Он понимал натуру этого человека. Сторож был прямодушным, честным и открытым и точно не смог бы лгать ему. Он нанял Петра Ивановича всего полгода назад. До него дом охраняли еще несколько человек, но все они увольнялись, не объясняя причин.

– Нехорошее это место, – после паузы сообщил Петр Иванович. – Тяжело мне тут. Даже хотел уходить. Хотя платите вы много, да и нет вас месяцами… так-то легкая это работенка, но уж очень бывает жутко.

– Да в чем дело? – начиная раздражаться, повторил Виктор. – Говорите яснее.

– Матушка ваша… царствие ей небесное… тут померла-то. Соседский садовник как-то упомянул, что несчастный случай это, упала со стула, сломала шею, – торопливо проговорил Петр Иванович.

– Это так, – глухо подтвердил Виктор.

– Да видно не упокоилась ее душа, – переходя отчего-то на шепот, сообщил сторож.

– А вы не злоупотребляете крепкими напитками? – резко поинтересовался Виктор.

– Да что вы! – замахал руками Петр Иванович. – Я вообще не пью, да и мяса не ем вот уж с десяток лет. Веган полный, как говорится. Или вы забыли? Я же подробно вам все о себе докладывал, когда на работу нанимался.

– Простите, – ответил Виктор. – Но вы мне такое заявляете!

– Понимаю, матушка ваша…

– А можно подробнее? – зачем-то попросил Виктор, хотя почувствовал, что, обладая особой восприимчивостью, вызванной определенным образом жизни, Петр Иванович вполне мог видеть призраков.

– Что ж, воля ваша, – после паузы сказал сторож, трижды перекрестился и зачем-то отошел от крыльца на несколько шагов.

Виктор последовал за ним. Он сканировал поле собеседника, но ничего опасного не видел. Все выглядело гармонично. Петр Иванович был здоров и физически, и психически. Сторож тяжко вздохнул, опустил глаза и быстро продолжил:

– Тени тут непонятные, сам видел. Даже святую воду принес, все время у меня в сторожке баклажки с ней стоят. Ходил как-то ночью, стены дома вашего кропил. Но появляется она… женщина… неясный силуэт, как в тумане образ. Слыхал, что часто неупокоенные души возвращаются на место своей смерти, будто привязанные к нему. Надо бы батюшку вызвать, пусть обряд какой проведет. Да и молебен вы бы заказали, не помешает… А еще мужчину видел, и тоже будто призрак.

– Почудилось вам, – сказал Виктор. – Всякое бывает. Было еще что-то более конкретное?

– Вы уж извините, – смущенно продолжил сторож, – но однажды проглядел я, и какая-то деваха сюда забралась. Уж как мимо меня проскочила, не понимаю!

– Что за деваха? – насторожился Виктор.

– Смазливая, молоденькая, волосы черные, длинные, юбчонка едва зад прикрывает… Ну понимаете, какого сорта мамзель. И как она тут оказалась? Я территорию обходил, а она спокойнехонько себе сидит в беседке, что позади дома. Нога на ногу, кофтенка с вырезом и сиськи наголо, как говорится. Ой, простите, но выражение это в точку. Курит и на пол сплевывает. Я погнал ее, полицией пригрозил, а она давай мне глазки строить, да авансы раздавать. И так мне голову заморочила, что я сам чуть ли не закурил с ней за компанию… И это после стольких лет воздержания от табака!

– Она не представилась? – поинтересовался Виктор и нахмурился.

Он практически был уверен, что это его давняя подружка-прилипала.

– Чудное у нее имя, заморское, такое сразу запоминаешь, – ответил Петр Иванович. – Моника!

«Так и есть! – подумал Виктор. – Кто бы сомневался! Она пасет Николая и наверняка таскает его на место преступления, чтобы выжимать из аморфа как можно больше негативных эмоций. Ничего-то не меняется в этом мире!»

– Ты ее выгнал? – сухо уточнил он.

– С трудом. Навязчивая такая девица, всякие глупости мне предлагала, – признался Петр Иванович. – Но я кремень, меня такими штучками, как красивые глазки и выпяченная грудь, не возьмешь. Но эта Моника, скажу я вам, гипнотическая личность.

– Больше она не появлялась? – спросил Виктор.

– Нет, не видал. Заезжая какая-то девка, так мне показалось. На местных не очень похожа. Сказала, что любит достопримечательности и типа зашла сюда в боковую калитку заднего двора, дом понравился. А чего в нем особенного? Обычный загородный, таких тут много. Кокетничала, мне льстила, не понять зачем, кое-как выпроводил. А калитка-то и

правда оказалась открытой, за это простите, хозяин. А ближе к ночи мне будто показалось, что снова эта Моника тут шляется. Запах ее духов я почувствовал. Сладкие они у нее, аж приторные. Я ж давно не курю, вот обоняние полностью восстановилось и даже обострилось. Запахи отлично нос мой чует. Я обошел вокруг дома, но ее не было. А вот… призраков увидел. – Сторож перешел на шепот. – Будто мужчина какой-то, но не стоит, а ползет как бы на коленях, а ползет он к привидению… Женщина во всем белом, чисто ангел, глаза светятся небесным огнем… протянула она руку к мужчине и будто волосы его гладит, а он весь трясется в беззвучных рыданиях. Такое вот я увидел, чуть с ума не сошел от страха. А потом раздался мерзкий смех, но я отчего-то узнал голос Моники, начал креститься и «Отче наш» читать. Тут-то все и пропало.

«Черт бы побрал прилипалу! – про себя выругался Виктор. – Это ее проделки. Назло мне решила поиздеваться над сторожем, возможно, свести его с ума».

Моника принадлежала к особому клану. Это были существа неясной для Виктора природы, их главная цель – найти человека, подверженного суициду, и довести его до последней черты. Мир устроен так, что после физической смерти самоубийца превращается в аморфа, некий сгусток энергии, которым и питается прилипала. И в таком качестве он остается столько лет, сколько ему отпущено по судьбе земной жизни. Именно Моника в свое время подталкивала его к последнему шагу. И если бы вовремя не вмешался Идрис, то и Виктор сейчас служил бы кормом для этих существ.

– Я завтра же закажу молебен в соборе Рождества Христова, – сказал он.

– Хорошая церковь! – оживился Петр Иванович.

– А что, есть и плохие? – съязвил Виктор.

– Да как сказать, – замялся сторож. – Ну вот хоть церковь Иоанна Воина… ну вы знаете, это возле сквера Пушкина.

– Припоминаю, – ответил Виктор, с любопытством глядя на собеседника. – И что же с ней не так?

– Я родился в Коврове, все мои предки отсюда, наверное, поэтому всегда интересовался историей. Так доложу я вам, что раньше там находилась Покровская церковь при кладбище села Рождественское. Именно на нем хоронили местную знать. Еще моя бабушка называла его «кладбище князей Ковровых». При советской власти часовню и некрополь князей снесли, кладбище разорили. И плитами-то могильными даже мостили улицы, вот Абельмана, к примеру. И еще часть плит уехала в Москву, использовали для облицовки стен метро, это я в одном историческом журнале вычитал. А на месте кладбища разбили городской сквер. Ноги-то топчут могилки, а душам это не нравится. Ночью я туда даже соваться бы не стал.

– А мы подростками там спокойно гуляли, – сказал Виктор. – Но какой вы чувствительный, – заметил он.

– Это я мясо убиенных животных перестал есть, вот что-то в организме и меняется, – сообщил Петр Иванович. – Поэтому и опасаюсь тут находиться. Призраков-то видеть совсем неохота.

Они замолчали. Пауза показалась Виктору неприятной. Сторож мялся, опуская глаза, и словно не мог на что-то решиться.

– Виктор Викторович, – наконец проговорил он, – я, по правде говоря, и заявление уже вам написал «по собственному желанию». Увольте меня от этого дела! Боюсь, и все тут! Платите вы, конечно, щедро, но уж лучше я на завод вернусь.

– Давайте не будем торопиться, – мягко произнес Виктор, глядя в глаза окончательно смутившегося сторожа. – Я верю, что существуют неупокоенные души. И завтра же с утра закажу молебен по рабе Божией Людмиле. Так звали мою мать.

– Всем привет! – раздался веселый голосок, и из-за дома появилась девушка.

Это была эффектная брюнетка в обтягивающем ее аппетитную фигуру красном брючном костюме. Загорелая гладкая кожа, янтарно-золотистые глаза придавали ей особую пикантность.

– Матерь Божия! – нервно проговорил сторож. – Снова она! Опять, что ли, калитка не заперта на заднем дворе? Но я проверял!

– Здравствуй, Моника, – спокойно поприветствовал ее Виктор.

– Рада снова тебя видеть, дружочек! – сказала она и широко улыбнулась, демонстрируя неестественно белые и ровные зубы.

– Так вы знакомы? – изумился Петр Иванович, во все глаза глядя на незваную гостью.

– А то! – задорно ответила девушка. – Причем узнали друг друга… во всех смыслах именно в этом городишке. Помнишь, милый?

И Моника кокетливо повела плечами и зажмурилась, словно кошка, поглощающая жирные сливки.

– Не буду вам мешать, – спохватился сторож и быстро направился в сторону ворот.

– Наш разговор не окончен, – громко сказал ему вслед Виктор.

Но Петр Иванович лишь махнул рукой и даже не обернулся.

– Чего приперлась? – грубо спросил Виктор, глядя на девушку с затаенной угрозой.

– А ты не рад? – ласково поинтересовалась прилипала и прижалась к нему всем телом.

Но он резко отстранился и поднялся на крыльцо. Открыв двери, вошел внутрь, но гостью не пригласил. Монику это не смутило, она неотступно следовала за ним.

В гостиной Виктор бросил сумку в кресло и сел на диван. Его вид не предвещал ничего хорошего. Он с трудом сдерживался, чтобы не вытолкать прилипалу из особняка, но понимал, что она здесь не просто так. Петр Иванович, напрочь лишенный каких-либо суицидальных наклонностей, не мог быть ее целью. Конечно, Моника таскала за собой аморфа Николая. Он был когда-то любовником матери Виктора, но, польстившись на неожиданное богатство, убил ее в этом доме, инсценировав несчастный случай. Ему все сошло с рук, но Виктор, потеряв голову от горя, – а он уже был ловцом и ощущал боль невероятно сильно, – подговорил Монику довести его до самоубийства. И это было одним из его страшных преступлений против Ордена. Но оно пока оставалось тайной для всех, и Моника хранила молчание. Ей было выгодно держать одного из самых сильных ловцов на коротком поводке. Аморф Николай поступил в ее полное распоряжение, она всячески мучила его, вызывая эмоциональную боль и питаясь этим. И неудивительно, что она периодически приводила его на место преступления. Виктор не сомневался, что сторож каким-то образом увидел именно аморфа и призрак его матери, которая после насильственной смерти превратилась в ангела. Она не переходила на другой план, пряталась от проводников, ее крепко держала в этом мире ситуация с бывшим возлюбленным, и часто Людмила в виде призрака возникала возле мучающегося Николая и просила пощады для него. Возможно, Моника явилась сюда, чтобы наполнить аморфа негативными эмоциями, подпитать его угасающую энергию. Тогда ее появление было понятным Виктору. А то, что она застала его здесь, оказалось простым совпадением.

– Итак? – коротко бросил он и остро глянул в золотистые глаза прилипалы.

– Даже присесть не предложил даме, – капризно проговорила она. – А еще джентльмен!

– Не увиливай, – раздраженно ответил Виктор. – Зачем ты здесь? И что-то я не вижу твою кормушку. Ты ведь сюда только ради Николая таскаешься.

– Мы тут пирушку на днях устроили, – весело сообщила Моника и села на диван рядом с ним, – все соки из аморфов высосали. Обессилел и твой Николай.

– И вовсе он не мой! – резко ответил Виктор. – Так где он?

– В Париже, – невозмутимо ответила она. – Валяется на чердаке у Эда. Ты помнишь его? – сухо поинтересовалась Моника и прищурила глаза.

– Вас забудешь, – пробормотал Виктор.

Эдвард был прилипалой и постоянным спутником Моники. На пару они выискивали перспективных клиентов и мастерски доводили их до последней черты.

– А уж мы-то тебя как помним! – грозно произнесла она и раздула ноздри. – Ты доложил Идрису о своем преступлении?

– Ты о чем? – спокойно уточнил Виктор и сжался.

Он отлично понимал, что имела в виду Моника. Находясь в Венеции, он вмешался в ход событий и вернул к жизни аморфа Марию, которая служила кормом для этой парочки. Такие действия категорически запрещали правила Ордена. Но Виктор поддался эмоциям и нарушил запрет. Он часто вспоминал об этом событии, но оправдывал себя тем, что в то время был охвачен любовью и не ведал, что творил.

– Не притворяйся, – сказала Моника. – Все ты понимаешь. Ну да ладно, сделанного не воротишь.

– Так зачем ты сюда приехала? Вижу, мстить за потерянного аморфа вы мне не собираетесь… пока, по крайней мере… Николая ты не притащила. Что тебе нужно?

– Правду! – кратко ответила она.

Ее золотистые глаза потемнели и помутнели, словно в них насыпали серого песка.

– Не пойму, о чем вообще речь, – искренне сказал Виктор.

– Ты наш враг, хотя лично я к тебе хорошо отношусь, – серьезно начала Моника. – Не забывай, что именно я тогда, в день твоего семнадцатилетия, лишила тебя невинности. А девушки такие романтические моменты помнят.

– Да прекрати! – оборвал он ее и поморщился. – И какая ты девушка! Ты не понять что, некая субстанция, существо из потустороннего мира.

– Это так! – кивнула она. – Но и мы способны на чувства.

– Ну, допустим. И что дальше?

Моника встала и подошла к окну. Виктор не мог сканировать ее поле, оно было не человеческой природы, но определенные вибрации он все же чувствовал. И сейчас с изумлением понял, что прилипала растеряна и сбита с толку. С Моникой это было впервые, а ведь он знал ее более десяти лет. Девушка стояла спиной к нему, ее плечи были опущены. Он молча ждал, зная по опыту, что это лучшая из тактик в подобной ситуации. Минут через десять она все же приняла решение, повернулась к нему и глухо проговорила:

– Я точно знаю, что ты нарушил еще один из запретов вашего Ордена. И он самый главный: не любить. А ты любишь. Эта девчонка Лиза… Я видела вас в Париже на прошлой неделе, вы сидели в кафешке на Монмартре и так мило чирикали, держась за руки и глядя в глаза друг другу. Ты был настолько увлечен, что даже не заметил меня, хотя я вошла в кафе и уселась за соседний столик. Но как верно подметил Шекспир: «Любовь слепа и нас лишает глаз…»

– Ты что-то путаешь, – сказал Виктор. – На прошлой неделе я был в Питере. И кстати, весьма успешно поработал. Идрис мной доволен.

Моника замерла, ее взгляд показался Виктору стальным и вскрывающим ему мозг. Он вздрогнул и поежился, невольно закрыв глаза. И через мгновение ощутил прохладные пальцы на своей щеке. Он глянул на Монику. Она присела к нему на диван и смотрела мягче, но с явным непониманием.

– То-то и оно, что сейчас ты выглядишь вполне нормальным ловцом со свободным сердцем и чистым разумом, – задумчиво проговорила Моника и убрала руку, гладившую щеку Виктора. – И я не ощущаю никакой любовной энергии. Ты холоден и прозрачен для меня.

– Может, у тебя развились какие-то галлюцинации? – предположил он. – У прилипал такое бывает?

– Никогда! – уверенно ответила она и откинулась на спинку дивана.

Виктор с любопытством наблюдал за выражением ее хорошенького личика. Моника не скрывала эмоций, она была в смятении, ее мозг отказывался верить происходящему, что-то шло не так в этом привычном для нее мире.

– Поэтому ты сюда и заявилась? – уточнил он.

– Несложно отследить твои перемещения, – сказала она.

– Тем более! – оживился он. – Ты разве не узнала, что я поначалу был на Ольхоне, затем прилетел в Москву, оттуда в Питер и сегодня утром прибыл в Ковров. И не был я во Франции! Глупо все это!

– Но я тебя видела, – устало проговорила Моника. – Причем вместе с Лизой. Поверь мне на слово. Это не глюки. Это какая-то загадка. И вот что, позвони ей и спроси!

– У меня нет ее нового номера, – ответил Виктор. – Она же просто исчезла тогда в Венеции, ничего не захотела мне сообщить. Да и кто я для нее? Случайный секс.

– И ты не рассказал ей о своих чувствах? – с искренним любопытством проговорила Моника и повернулась к Виктору.

– А смысл? – спросил он и пожал плечами. – Ты же знаешь, нам любить запрещено. И я решил избавиться от этого наваждения. И, как видишь, с успехом это сделал. Так что верить тебе не могу. Ты несешь какой-то бред! Я был в Париже неделю назад, да еще и сидел в кафешке с Лизой? Бред!

– Но я вас видела! – упрямо проговорила прилипала.

– Знаешь, я сейчас припоминаю, что одна ее подружка модель предположила, что Лиза вернулась на родину. Она из Калининграда, – задумчиво произнес он.

– Странно все это, – сказала Моника.

– Правда, другая утверждала, что она скрылась в какой-то французской провинции, купила там себе небольшой домик и ушла из модельного бизнеса, – после паузы добавил он.

– Что-то мне не по себе, – призналась прилипала. – Ощущаю чье-то присутствие.

Виктор напрягся. Он тоже минуту назад почувствовал легкое дуновение, словно по гостиной пробежал слабый сквознячок. Его душа замерла. Он предполагал, кто может здесь появиться, но не хотел этого.

– Так я и знала! – нервно проговорила Мо-ника.

Виктор проследил за ее взглядом, направленным в угол гостиной. Белый размытый силуэт колыхался возле темного шкафа и становился все отчетливее.

– Уходи, – раздраженно крикнула прилипала. – Николая здесь нет.

Виктор тихо застонал и закрыл лицо руками. Призрак матери приблизился.

– Ох, не люблю я ангельские сущности! Меня мутит от вас! – с отвращением сказала Моника и исчезла.

– Сыночек, – раздался еле слышный шелестящий голосок.

Виктор сидел, не шевелясь и не убирая рук от лица. Он все еще винил только себя в том, что произошло с его мамой. Если бы он не купил этот особняк и не дал матери крупную сумму денег, то она осталась бы жива. Именно так он думал. И то, что ее убийца Николай превратился в корм для прилипал и испытывал постоянные муки, его не утешало. Боль не уходила, и Виктор с трудом выносил присутствие матери в этом мире, пусть и в виде призрака. Он продолжал любить ее, но ему стало бы намного легче, если бы порядок вещей не нарушался и душа матери ушла в другое измерение, подходящее ей по статусу ангела.

– Витенька, – вновь прошелестел голос, – я пришла, чтобы предупредить тебя. Происходит что-то неправильное в вашем мире. Ты раздвоился. Я сама видела твоего двойника, и у него точно твоя энергия.

Виктор вздрогнул и всмотрелся в призрачное лицо. Глаза Людмилы сияли, как всегда, словно изнутри их подсвечивал голубой небесный огонь.

– Но как такое может быть? – нервно спросил он. – Наверняка просто похожий человек…

«Какие глупости я говорю! – изумился он в душе. – Ангел не может ошибаться, это не человек. Да и Моника только что вещала, что самолично видела меня в Париже, да еще и в компании Лизы».

– Это был ты. Но разница между вами огромная. Тот полон любовью.

– Спасибо, мама, – мягко ответил Виктор. – Я разберусь с этим. И где он был?

– В Париже. Ты же знаешь, что я не могу оставить бедного Колю, не могу уйти в сияющий чертог, пока он в руках прилипал.

– Ах да, Моника только что говорила, что аморфа она оставила у Эда в Париже… – пробормотал Виктор и нахмурился.

– Я видела тебя, это был вечер. Ты шел по Монмартру с совершенно счастливым выражением лица. Это было три дня назад.

Кое-какие догадки начали появляться. Но пока выводы было делать рано.

Из записной книжки:

«Алхимия процветала в Египте с самых ранних времен, и говорят, что Соломон занимался ею. Ее золотой век начался с завоеваний арабов в Азии и Африке во времена уничтожения Александрийской библиотеки. Легковерные сарацины, знакомые с баснями о талисманах и небесных влияниях, горячо верили чудесам алхимии.

Крестоносцы привезли алхимию в Европу.

Парацельс (Филипп Ореол Теофраст Парацельс Бомбаст из Гогенгейма) ввел выражение alcahest (вероятно, извращение немецких слов all geist, «вседух») как название всеобщего растворителя. Розенкрейцеры, предвозвестником которых был доктор Ди, первые предъявили права на обладание алхимическими тайнами и действительно были потомками алхимиков.

После Парацельса алхимики разделились на два класса: одни занимались полезным изучением, другие принялись за мечтательную, фантастическую сторону алхимии, писали книги о мистическом вздоре, приписывая его Гермесу, Аристотелю, Альберту Великому и другим. Язык их теперь непонятен. Достаточно одного краткого образчика. Силу превращения, называемую Зеленым Львом, можно было получить следующим образом: «На ложе Зеленого Льва родились Солнце и Луна; они сочетались браком и родили короля. Король питается кровью льва, который королю отец и мать и в то же время его брат и сестра. Я опасаюсь, что обнаруживаю тайну, которую обещал моему господину скрыть в темных речах от всякого, кто не знает, как управлять философским огнем». Наши предки должны были иметь большое дарование для разрешения загадок, если могли разобрать смысл этих таинственных указаний, но этот язык адепты понимали, и он предназначался только для них».

Ч. У. Гекерторн

Виктор отдохнул немного и отправился в сторожку уговаривать Петра Ивановича не покидать пост хотя бы еще какое-то время. Он обещал повысить зарплату вдвое и посоветовал не обращать внимания на видения. Тот молча выслушал, но его глаза были грустными.

– А вы на ночь не останетесь? – после паузы уточнил он.

– Нет, вернусь в гостиницу.

– Ну, а я о чем? – сказал сторож. – Даже владелец не хочет здесь ночевать. Ох, не чисто тут! Кой черт приезжать в родной город и не жить в собственном доме?

Виктор опустил голову. Ему не хотелось обсуждать с посторонним человеком свои дела, но и промолчать было сейчас неразумно.

– Петр Иванович, вы должны меня понять, – тихо проговорил он. – Моя мама умерла здесь, и мне тяжело находиться в этом месте. Я подумываю о том, чтобы продать особняк, все равно жить я в нем не смогу.

– Хорошо, хорошо, – немного испуганно ответил сторож, глядя с сочувствием в повлажневшие глаза Виктора. – Не буду больше вас беспокоить. Идите с миром. А я пока останусь у вас, поработаю еще. Там видно будет. Но валерьянкой запасусь.

Виктор кивнул, улыбнулся ему и покинул сторожку.

До гостиницы он отправился пешком. Уже стемнело, город тонул в сиреневом тумане, огоньки слабо светящих фонарей придавали улицам таинственное очарование, но Виктор не замечал этого. Его настроение было отнюдь не романтичным, чтобы любоваться городским мягким теплым вечером. Он шел медленно, глубоко дыша и стараясь успокоиться. Виктор был на пике эмоций, мысли бродили, словно крепкое вино, и рождали самые невероятные фантазии. Он не сомневался, что в мире появился его двойник, его точная копия. Он верил и Монике, и матери. Виктор интуитивно чувствовал, что все дело в неудавшемся обряде на Ольхоне. Соланж забрала энергию любви. И, видимо, произошло что-то экстраординарное, но пока нужная информация к нему не приходила.

«Необходимо сделать две вещи: встретиться с Лизой и выяснить у нее, кого она видела и с кем общалась. И, конечно, найти Соланж и потребовать ответа за ее действия».

Мысли о Лизе не вызвали никакого жара души, он остался равнодушным.

Виктор настолько глубоко задумался, что очнулся, лишь оказавшись у реки. Ноги словно сами привели его к тому злополучному мосту через Клязьму, с которого он десять лет назад чуть не спрыгнул, подстрекаемый Моникой. От неожиданности он так сильно вздрогнул, что выронил сумку. А когда поднял ее, то первым делом увидел призрак матери. Она плавно плыла от него над мостом. Виктор нервно вглядывался в колышущийся силуэт, ему казалось, что мать появилась здесь не просто так и словно зовет его за собой.

Дальше события развивались стремительно. С другой стороны моста на Виктора будто пахнуло смертельной энергией. Он, даже не видя фиолетовых волн поля, нутром ощутил, что к нему приближается потенциальный самоубийца. Все его чувства моментально возбудились и обострились. Призрачный силуэт матери исчез посередине моста, а из тумана выдвинулась небольшая худенькая фигура, за ней тенью следовала более высокая и грузная. Виктор, не раздумывая, на максимальной скорости двинулся к ним. И успел вовремя. На ходу он услышал плачущий голосок девочки:

– Не могу больше… не могу. Не хочу. Мне страшно, мама умерла, не хочу в приют. А меня ведь точно отдадут туда. Там грязно, злые дети, злые воспитатели, там дерутся. И я не выдержу и умру.

– Бедняжка, – ответил ей глухой женский голос. – Такую крошку там забьют до смерти! Лучше сделать, как мы решили. Вода совсем не холодная, а мягкая и приятная. И ты сразу встретишься с мамочкой…

Виктор понял, что слышит вкрадчивый голос прилипалы, и рывком бросился к девочке. Та уже стояла на парапете и смотрела вниз, в черную воду. Ее светлые длинные волосы упали, закрыв лицо. Виктор подхватил ее на последнем шаге вниз. Девочка обмякла в его руках. Она была в обмороке.

– Какого дьявола ты лезешь… – злобно начала женщина.

Виктор развернулся к ней, не выпуская девочку из объятий, и остро глянул в глаза. Они были большими и зеленоватыми, но, как у всех голодных прилипал, мутными, словно в радужку насыпали серого песка. Прилипала выглядела женщиной лет под сорок, это была красивая ухоженная шатенка с пышными формами. Ее внешний вид портила старая вязаная «бабушкина» шаль. Женщина куталась в нее, видимо нарочито принимая вид бедной и несчастной. Виктор не знал, как она втерлась в доверие потенциального «клиента», но то, что он услышал, давало пищу для размышлений.

– Пасешь детей? Неужели так сильно оголодала? – напрямую спросил он. – А ведь, насколько я знаю, у вас в клане дети-аморфы не очень приветствуются. И вовсе не по каким-то моральным принципам. Хотя даже смешно говорить, что у вас они могут быть. Просто малютки поставляют мало энергии для еды, не так ли?

– Ловец, – глухо констатировала она и скинула старую шаль.

Под ней оказалось дорогое кашемировое полупальто. Женщина выпрямилась и гневно посмотрела на Виктора.

– И как ты тут оказался? – продолжила она. – Девчонка сама шла мне в руки. Я ей купила чай и пирожное, она отиралась возле кафешки, тут неподалеку, обласкала ее, выслушала. Она была уже не в себе. Осталось чуть подтолкнуть и привести на мост. Но тут, как назло, какой-то заезжий ловец. Добычу прямо из рук вырвал! Но… вроде привидение над мостом болталось. Не иначе ангел вмешался в судьбу девчонки! Повезло ей.

– Иди отсюда, – посоветовал Виктор и прижал обмирающую девочку к себе.

Прилипалу как ветром сдуло.

– Что же делать? – пробормотал он, глядя в бледное лицо спасенной. – Куда я с ней? Не в гостиницу же идти с такой спутницей? Вопросов не избежать.

Виктор спустился с моста и вышел на проезжую часть. Ему удалось быстро остановить машину. Он погрузил девочку на заднее сиденье, вскользь пояснив водителю, что его дочку сморил сон от усталости. Тот ничего выяснять не стал. Они благополучно доехали до особняка. Удивленный Петр Иванович встретил их у ворот. Виктор отпустил машину и понес девочку в дом. Сторож следовал за ними по пятам. Он помог открыть двери, включил в гостиной свет. С девочки сняли небольшой рюкзачок, потертую джинсовую курточку, уложили на диван. Ее щечки чуть порозовели, дышала она более ровно.

– Что это? – взволнованно спрашивал Петр Иванович. – Кто это? Ей плохо? Может, «Скорую»?

– Моя дальняя родственница, – на ходу придумал Виктор. – Случайно встретил…

– Так вы ж говорили, что у вас никого нет и вы один на белом свете, – удивленно ответил сторож, глядя на девочку.

Она открыла глаза и приподнялась. Слабая улыбка тронула ее бледно-розовые губы. Никакого испуга Виктор, к своему счастью, не заметил. По привычке он просканировал поле. Еще были кое-где выбросы фиолетового цвета, но они на глазах сменялись сиреневыми, затем розовыми с золотистой подсветкой. Но его удивило, что они довольно быстро начали заливаться синими тонами. И это было нестандартно. Виктор отнес такую ауру на глубинную печаль девочки и решил быть настороже.

– Пришла в себя, – удовлетворенно проговорил Петр Иванович. – Может, чаю сделать?

– Было бы отлично! – обрадовался Виктор.

Ему не терпелось остаться с девочкой наедине, чтобы кое-что прояснить.

– Схожу к себе в сторожку, – сказал Петр Иванович. – Заварка здесь есть, но вот продуктов никаких. А у меня вафельный тортик припасен. Принесу, пожалуй, к чаю.

– Прекрасно! – одобрил Виктор.

Как только за сторожем закрылась входная дверь, он присел рядом с девочкой и взял ее руки в свои. Ее пальчики были холодными, они дрогнули, и он мягко сжал их.

– Как тебя зовут? – спросил Виктор.

– Ева, – ответила она.

– Красивое редкое имя, – с улыбкой заметил он.

– Мама так меня назвала, – сообщила девочка и посмотрела ему в глаза.

– А я Виктор, – сообщил он.

– Дядя Витя, – поправила она и застенчиво улыбнулась.

– Можно и так, – согласился он.

Несмотря на бледность, немного осунувшееся личико, темные круги под глазами, он видел, что Ева необычайно хороша собой, и уже начал подпадать под обаяние ее невинной прелести. Тонкое одухотворенное лицо с нежным овалом, большие красивой формы голубые глаза, длинные густые волосы цвета спелой пшеницы, чистая, словно фарфоровая кожа с появившимся тонким румянцем радовали глаз совершенной гармонией.

– Вы же сказали тому мужчине, что я ваша родственница, – заметила она. – Так что будете дядей Витей!

И она задорно тряхнула волосами и снова заулыбалась.

– Ты права, – весело ответил Виктор. – Тогда давай сразу перейдем на «ты». И мне лучше все знать о тебе. Сколько тебе лет?

– Девять, но уже через два месяца будет десять, – торопливо ответила она.

– Я думал меньше, – удивленно заметил он. – Выглядишь лет на восемь.

– Просто пока маленькая, но я расту, – важно проговорила Ева. – А еще мама говорила, что у меня кость узкая, вот.

– Да, девочка ты не крупная, – сказал он. – Что стало с мамой? – осторожно добавил Виктор.

Ева опустила голову. Он машинально включил «второе зрение» и заметил появление сиреневых тонов в ее энергетическом поле.

– Мне нужно знать, – ласково произнес Виктор и погладил девочку по голове.

Она неожиданно прижалась к нему и крепко обняла, уткнув лицо в плечо. Виктора обдало волной нежности. Энергия девочки была так близка ему, словно они были родными по крови. И это немного пугало. Ловец только тогда идеально выполнял свои обязанности, когда был лишен каких-либо привязанностей. Мать Виктора умерла, женат он никогда не был, детей не имел, про отца вообще ничего не знал. Для Ордена такое положение вещей считалось идеальным. Виктор был свободен, ни о ком не болело его сердце, не нужно было заботиться о родных и близких. И весь жар души уходил в работу ловца.

Виктор мягко отстранился, посадил Еву перед собой и твердо проговорил:

– Расскажи мне все быстро и коротко. А то Петр Иванович сейчас вернется, и мы не сможем обсудить ситуацию. Он и так что-то задерживается.

– Мама… умерла девять дней назад, – тихо начала Ева, но вдруг уткнула лицо в ладони и расплакалась.

Виктор обнял ее и прижал к себе. Ему пришлось применить кое-какие тайные энергетические техники, чтобы привести девочку в уравновешенное состояние. И Ева успокоилась.

– Мы из Владимира, – тихо продолжила она. – Мама там работала в театре. Она актриса и певица. Я училась в школе, мы жили в комнате общежития.

– Своей квартиры не было? – уточнил он.

– Мама из детдома. Ей выделили квартиру, но она позже ее продала. Подробностей я не знаю. Кажется, маму обманули, и мы остались на улице. Театр дал комнату.

Ева замолчала и опустила голову. Виктор видел, насколько ей тяжело вспоминать обо всех этих событиях, но ему нужна была информация, и он мягко попросил девочку рассказывать дальше.

– Как-то мама разоткровенничалась, что ей не дают хороших ролей в театре, она очень обижалась на режиссера. Вообще, она была нервной всегда. Я знала, что если мама начинает песню Эдит Пиаф, то к ней лучше не подходить. Для меня это был знак, что мама сильно взвинчена.

И Ева, к изумлению Виктора, вдруг запела красивым грудным голосом:

– Non, rien de rien / Non, je ne regrette rien /Ni le bien qu'on m'a fait, ni le mal /Tout ça m'est bien égal /Non, rien de rien /Non, je ne regrette rien /C'est payé, balayé, oublié /Je me fous du passé…

«Нет, ни о чем, Нет, я не жалею ни о чем. Ни о хорошем, что мне сделали, ни о плохом. Мне все равно. Нет, ни о чем, Нет, я не жалею ни о чем. За это заплачено, сметено, забыто…» – машинально перевел он известный хит.

Ева замолчала и сильно покраснела.

– Ты отлично поешь, – похвалил он. – И французский на высоте.

– Я с семи лет занималась с педагогом по вокалу, и школа во Владимире была с углубленным изучением французского и английского. Я должна пойти в четвертый класс сейчас. – Ева вздохнула. – А мама, сколько я себя помню, старалась говорить со мной на французском. Она даже ввела свою систему: один день общаться на русском, второй – на иностранном. Она была помешана на Франции, мечтала когда-нибудь туда уехать.

– Так что же случилось?

– Она со всеми разругалась и ушла из театра. Год назад мы переехали в Москву. Мама решила, что во Владимире ее недооценивают, искала счастье в другом месте. А дальше все как-то становилось хуже. Ее никуда не брали, деньги скоро кончились, мама все где-то пропадала даже ночами. Я сидела одна в комнате, которую мы снимали.

– Прости, твоя мама стала злоупотреблять… спиртным? – уточнил Виктор, хотя и так знал ответ на этот вопрос.

– Она была странной, то смеялась, то выглядела заторможенной… и от нее пахло противно, – тихо ответила Ева. – А пару месяцев назад она сказала, что пора бы и папаше поучаствовать в моей судьбе, и мы переехали сюда.

– Как раз хотел спросить, где же твой отец, – заметил Виктор.

– Я его никогда не видела, только на фото, – сообщила Ева.

– Оно у тебя с собой? – оживился он. – Хотелось бы взглянуть.

Ева кивнула и полезла в рюкзачок. Она достала папку.

– Это что? – заинтересовался Виктор. – Твои документы?

– Да, здесь все. Я когда решила сбежать, забрала их с собой, – откровенно сказала она.

– Предусмотрительно, – тихо проговорил Виктор.

– Здесь и мое свидетельство о рождении, и медполис, и даже личное дело из школы.

Девочка открыла папку, вынула небольшую ламинированную фотографию и протянула ее Виктору. Он увидел обнимающихся мужчину и женщину. Они были сняты на фоне какого-то пруда с плавающими белыми лебедями. Мужчина широко улыбался, это был брюнет с высоким лбом, зачесанными назад волосами, черными густыми бровями. Виктор дал ему под пятьдесят. А вот женщина выглядела намного моложе. Хрупкая утонченная блондинка с кудрявыми волосами, ясными глазами и обаятельной улыбкой притягивала взгляд. Ева разительно походила на мать.

– Это у нас во Владимире, в городском парке, – хмуро пояснила Ева и забрала фото. – И мне вот сейчас кажется, что ты внешне очень похож на моего папу, – добавила она.

– Просто типаж такой же, – пояснил Виктор. – Черные волосы, серые глаза…

Он со странным сожалением глянул на фотографию. Что-то будто выплывало из памяти, но он не мог понять своего беспокойства. Причин для него не было. Виктор перевел

взгляд на Еву. Непонятная грусть сжала сердце, но он пока не мог разобраться, отчего так реагирует.

«Еще не хватало привязаться к этой девочке, – одернул он себя. – Жалость – плохой советчик. Нужно быть осторожнее и не поддаваться эмоциям. Мне такие проблемы, как несовершеннолетняя воспитанница, не нужны».

– Ты всегда носишь этот снимок с собой? – другим тоном спросил Виктор.

– Да, не расстаюсь. А то вдруг потеряется. Мой папа только там, больше его фоток у нас нет, – сказала она и засунула фотографию в карман.

– Но он выглядит намного старше твоей мамы, – заметил он. – Что ты о нем знаешь?

– Почти ничего. Мама никогда о нем не говорила. Только в Москве и вспомнила, когда совсем нам плохо пришлось. За комнату нечем был платить, хозяйка пришла и орала на нас, ругалась жутко, грозила полицией. Вот мы ночью и удрали. И сразу сюда. Папа мой из Коврова.

– Вы нашли его? – спросил Виктор, с тревогой наблюдая, как энергия девочки начинает темнеть и снова приобретать фиолетовые оттенки.

По правилам, ему надо было заканчивать беседу и постараться привести эмоциональный фон клиента в норму. Но время поджимало, вот-вот должен был появиться Петр Иванович, а Виктор все еще не принял никакого решения.

– Оказалось, что мама знала его адрес, – торопливо продолжила Ева. – Мы с вокзала сразу туда. Но в квартире жили другие люди. Они и рассказали, что папа умер вот уже несколько лет как. С этого все и началось. На последние деньги мама сняла крохотную комнатку, пыталась найти здесь работу. Но ничего не выходило. Она стала много, очень много пить вина. И однажды просто не проснулась. Хозяйка комнаты вызвала врачей, маму увезли, а мне велели ждать. Соседи меня подкармливали. Они же и сказали, что со дня на день за мной приедут и отправят в детский дом. Я испугалась сильно, не хотела туда. Забрала кое-какие свои вещи и убежала. Не знаю, на что я надеялась. Но мне было так плохо! Я все бродила по городу, ночевала где придется, три дня ничего не ела. В голове появилась какая-то тяжесть, и все время хотелось спать. А тут эта тетенька, такая ласковая. Накормила вкусными пирожными и все что-то говорила, говорила. Только от ее слов мне становилось тоскливее и страшнее…

Виктор увидел сильный всплеск темной энергии и принял решение. Он взял Еву за побледневшие щечки и глубоко заглянул ей в глаза. Стереть из памяти фрагмент было делом нескольких секунд. Девочка моргнула, улыбнулась, на лицо вернулся румянец, глаза снова заблестели.

– Я все бродила по городу, ночевала где придется, три дня ничего не ела. В голове появилась какая-то тяжесть, и все время хотелось спать, – повторила она другим тоном. – Вот я и уснула на скамейке в каком-то скверике. И оказалась в этом доме. Словно чудо сотворилось.

– Да ничего чудесного в этом нет, – с улыбкой ответил Виктор. – Я ехал мимо и увидел девочку, распластавшуюся на скамье. И мне показалось, что ей плохо. Вот я и забрал тебя домой. Ты была словно в обмороке.

– Я ужасно хочу есть, – призналась Ева.

И словно в ответ на ее призыв появился Петр Иванович. Он вошел в гостиную с запыхавшимся видом. Большие пакеты поставил на пол и заулыбался, глядя на оживившуюся Еву.

– Пришлось сходить в круглосуточник, а он не близко, – сообщил сторож. – Я как рассудил: еды в холодильнике никакой, а вам обоим и поужинать нужно, да и, как я понимаю, позавтракать. Вот, купил всего понемногу. А для юной барышни всяких вкусняшек.

– Вот здорово! – обрадовалась Ева, вскочила с дивана и обняла сторожа.

– Да ну что ты, детонька, – смутился он.

– Спасибо, Петр Иванович! – сказал Виктор и встал. – Мы уж тут сами. А вы возвращайтесь в сторожку.

Он полез в карман, достал кошелек и протянул сторожу. Тот кивнул, вынул купюры и покинул гостиную.

Виктор взял пакеты и понес их на кухню. Ева неотступно следовала за ним. Они разобрали продукты, и девочка предложила приготовить ужин.

– А ты умеешь? – удивился Виктор.

– Часто себе готовила, пока мама отсутствовала, – сообщила Ева и осмотрела плиту.

Виктор показал, как включать. Девочка все больше удивляла его недетской самостоятельностью и рассудительностью. Но при таком образе жизни развития подобных качеств следовало ожидать.

– Быстрее всего яичницу с ветчиной и овощной салат, – сказала она и поставила сковороду на плиту.

– Пойдет! – согласился Виктор и начал мыть огурцы и помидоры.

Ева накрыла на стол. Она нашла красивые салфетки, выставила тарелки из сервиза, натерла бокалы. Хлопотала она с явным удовольствием. Виктор наблюдал за ней и все больше поражался ее манерам. Можно было подумать, что девочка воспитывалась в пансионе благородных девиц.

– Je t'invite à la table, – пригласила она к столу на французском, когда закончила сервировку, сделала реверанс и весело рассмеялась.

– С большим удовольствием, – ответил Виктор и улыбнулся в ответ.

Ева уселась напротив него, расстелила салфетку у себя на коленях и начала ловко разрезать яичницу ножом.

– Bon appétit, – пожелал он и взял бутерброд.

Когда они покончили с яичницей, Ева разлила чай и выставила на стол блюдо с аккуратно выложенными пирожными.

– Я посмотрю твои документы, – сказал Виктор.

– Хорошо, – коротко ответила она и помрачнела. – Но если вы хотите отдать меня в детдом, – добавила Ева, отчего-то перейдя на «вы», – то я все равно сбегу. Сразу предупреждаю.

– Об этом речи пока нет, – после паузы ответил Виктор. – Но ты же понимаешь, что ситуация сложилась экстраординарная. Ты девочка умная и развитая не по годам. Поэтому буду с тобой откровенным. Я не живу здесь постоянно. Это дом моей матери… она умерла. А я в разъездах… по работе. Хотел завтра утром отправиться в Калининград. У меня там дело. И тут появляешься ты. Что я должен предпринять, по-твоему?

– Взять меня с собой, – не задумываясь, ответила Ева и мило ему улыбнулась.

Но ее глаза оставались настороженными, да и энергетическое поле никак не приходило в норму. Угрожающие фиолетовые оттенки снова залили его, заменяя живые синие.

– В качестве кого? – хмуро спросил Виктор.

– Пусть я буду твоей сестренкой, – тихо ответила Ева и засияла ему глазами. – Я стану заботиться о тебе, любить.

– Да и сентябрь уже, тебе в школу нужно, – словно не слыша ее рассуждений, заметил Виктор.

– Я могу и дома учиться. Я очень способная, – быстро проговорила она. – Посмотри мое личное дело, одни пятерки по всем предметам…

– Это ты молодец! – похвалил он и задумался.

Ситуация выходила из-под контроля. Ева обладала непостижимой властью над ним. Впервые после смерти матери он ощущал нереально близкую ему, практически родную энергию, хотя понимал, что это всего лишь его разыгравшееся воображение. Но он с каждой минутой словно прикипал к Еве сердцем и уже не представлял, что расстанется с девочкой

навсегда. Вариант отвести в полицию, объяснив, что нашел ее на улице, уже не казался ему самым верным.

– Может, попытаться разыскать твоих родных? – после паузы предложил он.

– Нет никого, – тихо ответила девочка. – Я же говорила, мама детдомовская, а отец умер.

– Но может, у него живы родители, твои бабушка и дедушка? Или имеются братья-сестры. Ты же сказала, что ничего о нем не знаешь. У тебя его фамилия?

– Нет, – сообщила Ева. – У меня фамилия мамы. А вот отчество Викторовна! Может, ты мой папа?

– Не выдумывай! – опешил он. – Откуда такие мысли?

– Я вижу в тебе что-то очень близкое, – серьезно ответила Ева. – Мне так уютно рядом с тобой, а ведь мы только что познакомились. Но я знаю вещи, которые никто не знает. Так я устроена. И мама говорила, что я необычный ребенок.

– Допустим, – сказал Виктор. – Но я никак не могу быть твоим папой.

– Очень жаль! – с чувством проговорила Ева.

Виктор встал из-за стола и вернулся в гостиную. Он достал папку с документами. Раскрыв свидетельство о рождении, увидел, что в графе «отец» стоит прочерк.

– Посмотрел? – раздался голосок, и Ева остановилась в раскрытых дверях.

– Твой папа не записан.

– Вот! – торжествующе произнесла она. – А я что говорила! Никого у меня нет…

Ева вдруг уткнулась лбом в стеклянную вставку межкомнатной двери и горько расплакалась. Напряжение последних дней дало о себе знать, началась реакция. Виктор вскочил, подбежал к девочке и обнял ее. Ее боль передалась ему, он изнывал от горя, которое словно перетекало от нее в его душу.

– Я знаю, знаю, ты нашел меня не просто так! Ангел летел впереди и указывал путь, – сквозь всхлипывания сказала Ева.

И Виктор снова вздрогнул, вспомнив, что действительно призрак матери привел его на мост.

«Что происходит? – метались мысли. – Зачем мне эта девочка? Я точно знаю, что ничего случайного в этой жизни не бывает».

– Не отдавай меня чужим людям, – жалобно продолжила она. – Будем говорить, что мы брат и сестра. Чего же проще? А в детдоме я умру! Тебя совесть замучает.

Виктор держал ее в объятиях, боль начала уходить, сердце затопила непрошеная нежность. Но через минуту он пришел в себя и отстранился.

«Все потому, что у меня нет семьи, – сказал он себе. – И этот дефицит лишает покоя, равновесие должно восстанавливаться. Вот я и потянулся к девочке с приятной мне энергией. Надо избавиться, я должен быть свободен от любых привязанностей. Только что удалил из сердца любовь к Лизе. И вдруг появляется Ева. Судьба шутит со мной?»

– Я должен все обдумать, – строго проговорил он. – И, как говорится, утро вечера мудренее. Давай сейчас ляжем спать, и уже завтра на свежую голову…

– Хорошо, – легко согласилась она и улыбнулась сквозь слезы.

– На втором этаже в конце коридора имеется гостевая комната, – сообщил он.

– Найду! – бодро ответила Ева, подхватила свой рюкзачок и куртку и быстро пошла к лестнице. Зайдя на ступеньку, повернулась, обворожительно улыбнулась и пожелала на французском:

– Bonne nuit, Victor!

– И тебе спокойной ночи, – мягко ответил он.

Из записной книжки:

«Самое благородное соревнование – соревнование в человечности».
Публилий Сир

«Если ты прошел мимо розы, то не ищи ее более».
Греческая пословица

«Я спрятал свою истину за семью печатями и сорока замками, чтобы злое стадо людей не использовало эту истину во имя зла».
Омар Хайям

«Если у ребенка нет отца, его место занимает дьявол».
Испанская поговорка

Глава вторая

Виктор так и не смог принять никакого решения. И пока оставил Еву в доме. Он знал, что время в таких случаях может послужить лучшим советчиком. Виктор договорился с Петром Ивановичем, что он присмотрит за его «родственницей». Тот был явно обрадован, что в особняке поселилась «живая душа», так он выразился.

– Будьте деликатны, – предупредил его Виктор, – у Евы недавно умерла мать. Она осталась совсем одна. Так что лучше лишних вопросов ей не задавать, тему семьи не поднимать.

– Бедная сиротка, – с жалостью проговорил сторож. – Так вы оформите опекунство, раз родня? – все же полюбопытствовал он.

– Там видно будет, – уклончиво ответил Виктор.

– Неужто в детдом определите? – возмутился Петр Иванович.

– Вас это не касается, – отрезал Виктор.

И сторож поджал губы и нахмурился.

– Не обижайтесь, – более мягко произнес Виктор. – Я сам в растерянности, ведь живу один и все время в разъездах… по работе.

– Это да, это да, – закивал сторож. – Бессемейному могут девочку и не отдать.

– Решим вопрос.

На следующее утро Виктор выехал в Калининград. Необходимо было заняться проблемой двойника. И первым делом разузнать, где сейчас Лиза. Конечно, он мог попытаться воспользоваться базами Ордена, но точно знал, что девушка не внесена туда, ведь «клиентом» ловцов никогда не являлась. У девушки имелась страничка в Фейсбуке, но она выглядела заброшенной. И контакты для связи с пользователем в ней отсутствовали, даже не имелось адреса электронной почты, не говоря уже о номере телефона. Виктор понятия не имел, где сейчас Лиза, но доверился своей сильно развитой интуиции. Она настойчиво подсказывала, что нужно навестить ее родной город. И он отправился в Калининград. С вокзала Виктор сразу поехал в школу, где Лиза училась вместе с Мишелем. Это он знал из ее рассказов. А найти это учебное заведение не составило труда. В сети Виктор обнаружил несколько сообществ памяти модели. В одном из них была выложена информация о небольшом музее, созданном фанатами в бывшей школе Мишеля, и точный адрес.

Миша был моделью, и весьма успешной, но однажды он все бросил, вернулся из Парижа в Калининград и умер при неясных обстоятельствах. Его нашли в городском парке повешенным на толстом суку березы. Официальная версия – самоубийство на почве нервного срыва. Но Виктор знал, что это не так. Мишу убили, причем случайно. Он даже видел его, как ангела. Лиза долго не могла смириться со смертью любимого, из-за этого вся ее жизнь перевернулась. Виктор встретил девушку как раз в тот момент, когда она находилась в глубокой депрессии. Она легко пошла на контакт, но он быстро понял, что девушке все равно, когда, где и с кем. Секс для нее был лишь сильнодействующим наркотиком, позволяющим забыться и хотя бы какое-то время не испытывать боль.

Моника сообщила Виктору, что Мише по судьбе была предназначена быстрая смерть, ведь он родился первичным ангелом. Это особый вид людей. В тело умирающего младенца вселяется ангел, который управляет душой такого человека. Их отличительная особенность – разительное сходство в детстве с ангелочками. Они, как правило, светловолосые, кудрявые и голубоглазые. Такие люди умирают рано, редко кто из них доживает даже до тридцати. При жизни они несут безусловное добро. И обычно в них влюбляются навсегда. Пока кто-то любит первичного, тот служит ему своего рода ангелом-хранителем. Эта связь неразрывна, пока оставшийся на земле не разлюбит и этим не отпустит ангела в другое измерение. Когда Виктор встретился с Лизой, она еще любила, сердце ее было занято. Виктора это одновре-

менно угнетало и успокаивало, Лиза не могла любить его, но и у других парней не было никаких шансов. Однако все изменилось. Он получил информацию, что за девушкой больше не стоит первичный ангел. А это означало лишь одно: Лиза избавилась от любви, и ее сердце освободилось.

Было утро субботы, но Виктор знал, что школа открыта для посещения музея. В одном из местных сообществ он заметил вывешенное на Стене объявление о мероприятии в память Мишеля, назначенном на сегодня. Виктор не сомневался, что поклонникам умершей модели все известно о его бывшей девушке Лизе, и намеревался осторожно выведать информацию о ней. Но это не понадобилось. Едва ступив на школьный двор, он застал такую картину: три разъяренные девушки взяли в кольцо четвертую и орали на нее, перемежая угрозы с матерными выражениями. Жертва ссутулилась, закрыв голову руками.

– Тварь! – неслись крики. – Все из-за тебя. Наше солнце, наш Мишель… мог бы жить!

И девушки перешли в наступление. Виктор с изумлением увидел стоящего в дверях школы охранника. Тот был невозмутим, а в какой-то момент даже начал улыбаться.

– Оставьте меня! – тонко прокричала девушка и попыталась вырваться из окружения. – Я тут ни при чем!

– Гадина! Чтоб ты сдохла! – понеслась новая порция ругательств.

Виктор бросился к дерущимся, быстро выхватил из кучи-малы девушку, тут же понял, что это Лиза, но объясняться не было времени. Он потащил ее за территорию. Все произошло мгновенно. Нападающие не ожидали такого маневра, растерялись, а когда пришли в себя, беглецы уже были за воротами. Виктор двигался быстро, на проезжей части ему посчастливилось поймать такси, и он впихнул изумленную Лизу на заднее сиденье. Сев рядом, кинул водителю, что будет вдвойне благодарен, если тот без заминок отвезет их в хорошую гостиницу.

– Понял! – обрадованно ответил таксист и тронулся с места.

– Витя, ты?! – возбужденно спросила Лиза.

Ее светлые глаза расширились, зрачки заполнили радужку. Она все еще была напугана, взвинчена, ее трясло.

– Да вот, приехал, – неопределенно ответил Виктор, пристально глядя ей в глаза.

– Слава богу! – облегченно сказала она и крепко поцеловала его в губы.

Виктор изумился ее пылу. Он машинально просканировал биополе. Но никаких следов фиолетового свечения не было. Ауру, конечно, заполняли агрессивные красные тона, но это было естественно в создавшейся ситуации. Лиза только что пережила нападение неадекватных фанаток. Так объяснил себе Виктор то, что увидел. И не ошибся. Лиза глубоко вздохнула и с трудом выговорила:

– Эти ненормальные чуть меня не убили!

Ее губы задрожали. И она снова поцеловала Виктора. Он ответил вяло и отстранился.

– Но что произошло? – все-таки уточнил он.

– Ты как-то холоден, – с недоумением проговорила Лиза и внимательно на него посмотрела.

Он решил пока ничего конкретного не выяснять, а постараться разговорить Лизу, чтобы она сама все ему рассказала. Они расстались еще в начале июня, ничего друг другу не обещая. Но сейчас она вела себя так, словно они были парой и виделись совсем недавно.

– Не обращай внимания, – мягко ответил он. – Я просто устал с дороги, не выспался.

– Бедный мой, – нежно проговорила девушка и положила голову ему на плечо.

Он обнял ее и прижал к себе. Минут десять они ехали в молчании.

– Возможно, вам подойдет эта? – спросил таксист, повернувшись к пассажирам.

Виктор выглянул в окно и увидел многоэтажное белое здание. Название «Radisson Kaliningrad» ничего ему не сказало.

– Мы на площади Победы, – сообщила Лиза. – Это центр города.

– Верно, – весело отозвался таксист. – Девушка местная?

– Да, – коротко ответила она.

– Ну, тогда вы должны знать, что это одна из лучших гостиниц, – продолжил таксист. – Все на высшем уровне! Я сюда часто иностранцев вожу. Ну что, выходим?

– Выходим, – согласился Виктор.

Когда они оказались у стойки ресепшен, Лиза вдруг сильно смутилась. Администратор с заученной улыбкой смотрела на Виктора.

– Лучший номер, – бросил он, взял Лизу под локоть и отвел на несколько шагов от стойки.

– Витенька, что-то я… как-то все это… Может, поедем ко мне домой? – торопливо предложила она. – С родителями я уже переговорила. Они в курсе наших планов…

– Вот что, милая, – перебил ее Виктор, – я вижу бар, ты пока посиди там, закажи, что понравится…

– Не хочу! – капризно ответила она. – Ты как-то сильно изменился. Что случилось? Или ты передумал и за этим поехал за мной? Мог бы и по телефону…

Виктор глянул на нее с непониманием. В этот момент его позвала администратор. Она предложила «улучшенный двухместный номер» и тут же поинтересовалась, желают ли гости две отдельные кровати или одну большую.

– Одну, – коротко ответил он и протянул паспорт.

– А ваша спутница? – уточнила администратор и улыбнулась.

– Я здесь жить не буду, – сухо сообщила подошедшая Лиза.

– Понятно, – тихо проговорила администратор и опустила глаза.

Виктор все же увел раздраженную девушку в номер.

– Кошмар! – нервно заявила Лиза, когда они остались одни.

– Почему? А мне кажется, здесь довольно уютно, – заметил Виктор, обозревая обстановку, выдержанную в оливково-бежевых тонах.

– Я не об этом! – сказала она и села на диван. – Сама ситуация какая-то двусмысленная. Мужчина приводит в отель девушку… ненадолго.

– С каких это пор тебя волнуют такие вещи? – усмехнулся он и сел рядом.

– С тех самых, как я поняла, что у нас все серьезно, – ответила Лиза, глядя ему в глаза. – Разве ты забыл, как мы не расставались в Париже ни на минуту? Как без конца твердили, что любим и это навсегда? И ты так и не ответил на мой вопрос: почему ты здесь?!

Виктор промолчал. Он не был в курсе ситуации и боялся попасть впросак. Он решил дать ей выговориться, чтобы узнать как можно больше о поведении его двойника. Сейчас он уже не сомневался, что тот действительно появился и был точной его копией, раз Лиза не распознала подмену.

– Мы так чудесно встретились, – более спокойно продолжила она. – Я приехала в Париж всего на день, и тут ты! Я выхожу из бутика на бульваре Осман и вижу тебя. Это было какое-то волшебство. Ну я тебе это уже не раз рассказывала. Даже неудобно об одном и том же.

– Я послушаю еще раз, – с улыбкой ответил Виктор и взял ее за руку. – Ты так эмоционально говоришь о… нашей случайной встрече.

– Я все это время словно не в себе, – восторженно проговорила Лиза, сияя ему глазами. – И сейчас я знаю, как от любви сносит башню!

«Именно! – подумал Виктор, любуясь ее разрумянившимся лицом. – И я вовремя избавился от этого чувства. Лиза невероятно изменилась. Она на пике эмоций и легко делится своими переживаниями. А раньше была такой отстраненной и даже замкнутой. Неужели она

смогла полюбить… меня? Что же это за двойник? Как возможно, что на этот свет появилось такое создание?»

– Ты шел с таким грустным видом, – продолжила она. – И вдруг увидел меня в дверях бутика. И как сразу изменилось выражение твоего прекрасного лица. Как засветились твои глаза! Мне это сказало все без слов. Я мгновенно поняла, что ты любишь меня. Любишь! И это такая сила, что мое сердце зажглось. А ведь я уже думала, что никогда не смогу… после смерти Мишеля жизнь будто бы кончилась. Все это какое-то наваждение… Я будто приворожена!

«Боже, избавь нас от колдунов и ворожеек, – подумал Виктор. – Но мы наверняка делали селфи».

– Лиза, а у тебя есть наши фотки? – спросил он.

– В айфоне… А у тебя разве нет?

– Случайно стер, когда освобождал место, – на ходу придумал он.

– Ничего, мы новые сделаем! – с воодушевлением сказала она и села к нему на колени.

Они начали целоваться. Лиза буквально затопила его нежной энергией любви, которая быстро приобрела жгучий окрас страсти. Но Виктор почти ничего не ощущал, его лишь тянуло к девушке на физическом уровне. Но она, упоенная своими эмоциями, уже не обращала ни на что внимания. Нацеловавшись так, что припухли губы, Лиза оторвалась, глянула на него затуманенными глазами, пробормотала, что ей все показалось и Виктор любит ее по-прежнему. Он не возражал. Лиза заулыбалась, сказала, что ей надо в душ, и скрылась в ванной.

Он, не теряя времени, забрался к ней в сумочку и достал айфон. С изумлением просмотрел снимки. Вот он стоит у подножия Эйфелевой башни и машет ей рукой, вот они на мосту, прижавшись щекой к щеке, широко улыбаются в объектив, вот Лиза приняла изящную позу у входа в Нотр-Дам де Пари. И снова он в каком-то парке на скамейке сидит и взволнованно, нежно смотрит в кадр. Обычно с фотографий Виктор плохо считывал энергию, но с этих снимков буквально лился мощнейший поток чистой лучезарной животворной любви. Его двойник был словно генератор эмоций и передавал их в окружающий мир. Неудивительно, что Лиза так быстро прониклась. Возможно, она всегда испытывала к Виктору симпатию и под действием такого сильного поля решила, что к ней пришла любовь.

«Но ведь и сейчас она уверена в этом, – остановил свои рассуждения Виктор. – Но я не двойник. Я холоден и ничего не чувствую. Да, мне приятно ее присутствие, она волнует меня на физическом уровне, но ничего более. Однако Лиза и сейчас полна любовью».

Виктор выключил айфон и вернул его на место. Он так глубоко задумался, что не услышал, как Лиза вошла в гостиную.

– Милый… – вывел его из оцепенения взволнованный голосок.

Он поднял голову и вздрогнул. Девушка стояла перед ним обнаженная. Волнистые длинные волосы разметались по ее плечам, на нежной коже кое-где поблескивали капельки воды, грудь вздымалась от учащенного дыхания, розовые соски чуть сжались и напомнили ему ягоды малины.

– Хоть мы и расстались всего несколько дней назад, я жутко соскучилась, – прошептала она.

– И я, – тихо ответил Виктор, чувствуя волну возбуждения, пробежавшую по всему его телу и оставившую внизу живота неприятную тяжесть.

Лиза прыгнула к нему на колени и начала расстегивать рубашку. Виктор не сопротивлялся. Девушка приподняла шаманский оберег, который он носил после обряда на Ольхоне практически не снимая.

– Какая интересная штуковина, – сказала Лиза, изучая амулет. – А что это?

– Хоолобши, – нехотя ответил Виктор.

– Не понимаю. Тебе кто-то подарил? Девушка? – не унималась Лиза.

– Это оберег для невесты, мне дал его один кузнец. Он заряжен… на удачу.

– Так это для меня? – сделала она неожиданный вывод. – Спасибо!

И не спросив разрешения, Лиза сняла оберег и повесила его себе на шею. Виктору совсем не хотелось спорить и что-то объяснять, его мысли были заняты другим, и он решил оставить все как есть.

Когда Виктор скинул одежду и они начали целоваться, девушка вдруг отстранилась. Ее руки в этот момент гладили его шею и плечи. Пальцы замерли на верхних позвонках. Виктор непонимающе смотрел на встревоженную Лизу. Она заглянула ему за голову.

– Но… что это? – удивленно спросила она. – Тату роз снова появились на твоей коже? А ведь их уже не было.

Виктор напрягся, пытаясь понять ситуацию правильно. Отличительный знак ловца – клеймо в виде контура розы. Оно ставилось при посвящении в Орден на верхнем позвонке. Когда ловец заключал следующий десятилетний договор, то получал второй знак. По словам Лизы выходило, что у его двойника эти отметки отсутствовали.

– Были всегда, – после паузы сказал Виктор.

– Но… в Венеции да, были, а вот при нашей встрече в Париже твоя кожа уже была чистой. Ты еще сказал, что не понимаешь, о чем речь, и сделал вид, что впервые слышишь о своих татуировках. И вот я снова их вижу! Не сошла же я с ума?

– Нет, что ты, милая, – ласково проговорил он. – Это просто… мой каприз. Ты разве забыла, что я мощный экстрасенс? Мне захотелось, чтобы ты не видела никаких меток на моем теле, только и всего. И ты их не увидела.

– Я помню, любимый, о твоих неординарных способностях, – ответила Лиза, глядя ему в глаза. – Но все это… какое-то волшебство! Так не бывает!

– Бывает, – сказал он и поцеловал ее приоткрытые губы. – Считай, это своего рода гипноз.

– Но зачем? – удивилась Лиза и обняла его за шею.

– Ты же сама говорила, что эти черные розы тебя пугают, – придумал он.

– Да? Я так говорила? – задумчиво спросила она и наморщила лоб.

– И не раз, – невозмутимо подтвердил он. – Вот я и решил сделать тебе приятное…

– Странно все это! – после паузы произнесла девушка. – Но и ты необычный человек. Знаешь, когда я тебя увидела так внезапно во дворе школы, то первой мыслью было, что ты именно благодаря своей сверхчувствительности ощутил, что мне грозит опасность, и будто материализовался. И спас меня, как настоящий супергерой.

– Выдумщица! – сказал он и рассмеялся.

– Но ты приехал… А ведь мы договорились, что ты будешь ждать меня в Париже. Я же буквально на пять дней сюда, чтобы все обсудить с родителями.

– Обсудила? – с улыбкой уточнил он и пристально посмотрел девушке в глаза.

– А ты не делай вид, что не понимаешь! – рассмеялась Лиза и шутливо хлопнула его по плечу. – Или уже передумал жениться?

«Вот это да! – изумился он. – А мой двойник скор на решения».

– Но зачем ты пошла в школу? – спросил Виктор, меняя тему.

– Я и так в субботу туда отправилась, никак не ожидала, что фанатки Мишеля там дежурят и в выходные, – сказала она. – Они же все как сумасшедшие! Отчего-то уверены, что я во всем виновата. Ненавидят меня, убить готовы.

– Не надо было там появляться! – мягко проговорил он.

– Если честно, то я решила передать музею кое-какие вещи Миши, – тихо призналась она. – Знаешь, я когда его разлюбила, то все эти сувениры, фотографии, безделушки, ему принадлежащие, перестали быть ценными. Понимаешь? А для фанаток все это дороже

золота. Хотела им же сделать приятное. Но сам видел, чуть не покалечили меня, когда я вышла. И охранник даже не подумал заступиться. Зато подоспел… мой личный супергерой!

– Давай забудем все это, – ласково предложил Виктор. – Это уже прошлое. Ты ведь не собираешься навсегда возвращаться сюда?

– Нет, что ты! Мы же это обсуждали, – удивленно заметила девушка. – И ты не возражал поселиться со мной в Тальмон-сюр-Жиронд. Ведь на твои деньги я приобрела там милый уютный домик с садиком.

«Час от часу не легче, – мелькнули мысли. – А мой двойник серьезно настроен».

– Это где? – уточнил он. – Прости, я забыл.

– Пуату-Шаранта! Я же тебе говорила и фотки показывала. Дивное местечко! Атлантика, чудесный климат. Всегда хотела жить неподалеку от большой воды.

– Да-да, – пробормотал Виктор.

– А вообще я только сейчас до конца поняла, что поговорка «Все на свете неслучайно» верна на сто процентов. И ты – мой мужчина! Я хочу всю свою жизнь быть только с тобой. Родители одобрили твою кандидатуру, я им фотки показала. Только они не совсем понимают, что это за зверь такой: рантье. Им странно, что молодой мужчина нигде не работает. Не могут в толк взять, откуда у тебя деньги. Но кольцо их впечатлило!

– Кольцо? – все больше удивлялся Виктор.

– Такой крупный брюлик! – не слушая его, восторженно продолжила она. – Я даже боюсь носить его, спрятала в сумочку. Ведь это целое состояние!

– Ерунда, – растерянно ответил Виктор.

– Но родители огорчены, что мы планируем поселиться во Франции. Надеюсь, ты еще не передумал?

Виктор не стал ничего опровергать, а закрыл ей рот поцелуем. Лиза задрожала и крепко к нему прижалась. Он опрокинул девушку на диван, решив пойти на поводу желания и таким образом взять паузу. Слишком много вопросов, на которые у него пока не было ответов.

И тело не подвело, сильнейшее возбуждение затмило разум, он даже ощутил что-то сродни магнетическому головокружительному притяжению и при желании мог бы вообразить, что по-прежнему любит Лизу. Это лишь усилило наслаждение, тем более девушка моментально откликнулась на призыв его тела. Она и раньше отличалась повышенной сексуальностью, но сейчас Виктор четко понимал разницу. Раскованная, без тормозов, изобретательная в ласках, ненасытная, но в душе равнодушная любовница, которую он узнал в Венеции, превратилась в любящую женщину. Она отдавалась ему безыскусно, но без остатка и с неподдельной страстью. Виктор ощущал это на энергетическом уровне, и такая открытая искренняя любовь заряжала и завораживала. И даже его холодное сердце начало разогреваться, пропитываясь и переполняясь чужими эмоциями. Секс был прекрасен, Виктору казалось, что они превратились в одно целое, и это двуполое существо равно богу. Никогда в жизни он не испытывал такого феерического экстаза, и это его напугало. Когда они оторвались друг от друга и упали на спины, он был в жутком смятении. Виктор осознал, в какие глубины чувства он мог упасть, если бы все еще любил Лизу. Служение в Ордене не проходило даром, его нервы были оголены, его чувства преувеличены. И он только сейчас понял до конца главное правила Ордена: никогда и никого не любить. Это не просто мешало работе, это могло бы убить ловца.

– Люблю тебя, – прошептала в изнеможении Лиза. – И это чудо, что ты здесь, со мной!

– Люблю тебя, – против воли ответил Виктор, решив не разрушать то волшебство, в котором он оказался.

– Мы никогда больше не расстанемся! – с улыбкой продолжила она и повернулась на бок.

Ее горячие пальцы коснулись его лба, спустились по контуру носа к губам. Виктор тихо рассмеялся и укусил кончик ее мизинца. Лиза убрала руку и подставила губы. И он снова начал целовать ее, не отрываясь, словно пил и пил живую воду из кристально чистого родника и все никак не мог утолить жажду…

Из записной книжки:

«Страсть к тебе порвала одеяние роз,
В аромате твоем есть дыхание роз.
Ты нежна, блестки пота на шелковой коже,
Как роса в чудный миг раскрывания роз!

* * *

Упреков не боюсь, не опустел карман,
Но все же прочь вино и в сторону стакан.
Я пил всегда вино – искал услады сердцу,
Зачем мне пить теперь, когда тобою пьян!»

Омар Хайям. «Стихи о любви»

Два дня, забыв обо всем, они не выходили из номера. Секс был практически беспрерывным, это походило на безумие. Виктор очнулся на рассвете третьего дня, он ощущал изнеможение, но это была сладкая усталость.

«Что я делаю? – пришли непрошеные, но отрезвляющие мысли. – Я же решил никогда больше не видеть эту девушку. Шаманка отлично сработала, изъяла чувство. Но мало ли! Такие обряды делаются, как я понимаю, на основе сакральных знаний рода, но никто не гарантирует невозврата вынутой энергии обратно в мою ауру. А вдруг это безудержное наслаждение от секса притянет любовь обратно в мое тело?»

Виктор вздрогнул от такой перспективы и глянул на безмятежно спящую девушку. Ее лицо порозовело, ресницы трепетали, губы улыбались. Радужное сияющее поле совершенной гармонии окружало ее, и Виктору стало приятно до мурашек от этого зрелища. Он «выключил» второе зрение, положил голову на плечо Лизы и закрыл глаза. Она во сне шевельнулась и обняла его, что-то невнятно пробормотав.

«Но, судя по всему, – снова начал размышлять Виктор, – моя любовь каким-то неведомым образом переместилась в некое существо – точную мою физическую копию. И именно этот псевдо-Виктор носит ее в себе. Пора позвонить шаманке!»

Он осторожно высвободился из объятий Лизы, накинул халат, взял айфон и вышел на балкон, плотно притворив за собой дверь.

Только что рассвело. Погода пока стояла теплая и сухая, но все равно ощутимо пахло осенью, а это всегда навевало грусть на Виктора. Он не любил густые туманы, серую влажность воздуха, падшую, яркую перед окончательной смертью листву. Именно осенью он был подвержен частым депрессиям, поэтому старался на это время года уехать куда-нибудь в теплые страны. Виктор кутался в махровый халат и с накатившей тоской смотрел на серый город, бледно-розовое небо, темный парк с проблесками золотых прядей желтеющих берез.

«Бежать! – мелькнули мысли. – Бежать от всего этого! И от Лизы».

Виктор уселся в плетеное кресло и набрал номер. В Калининграде было шесть утра, а на Ольхоне уже полдень. Он надеялся, что шаманка сейчас не на обряде, иначе она не возьмет трубку. Ему повезло, и после небольшой паузы он услышал низкий голос:

– Сайн байна!

Это было приветствие на бурятском языке, и Виктор обрадованно ответил:

– Здравствуй, Сойжима!

– Виктор? – узнала она. – Все хорошо у тебя?

– Более-менее, – неопределенно ответил он.

И после короткой паузы глубоко вздохнул, решился и поведал шаманке о появлении двойника. Она молча выслушала, но Виктор ощущал даже через айфон, какое сильное тревожное напряжение исходит от собеседницы.

– Так бывает, – сказала Сойжима. – И в моей практике однажды случилось. Часть вынутой мной энергии, в которую я заперла болезнь, преобразовалась, зажила собственной жизнью, и мой пациент столкнулся со своей копией. Он жутко испугался, ведь, по народным поверьям, увидеть двойника, значит, скоро умереть. Пришлось проводить еще один специальный обряд, чтобы поправить ситуацию.

– Ты воссоединила энергии? – уточнил Виктор.

– А что было делать? – со вздохом ответила шаманка.

– И болезнь вернулась в его тело, – констатировал Виктор.

– А что было делать? – повторила она. – Но это в моей практике случилось лишь раз. И никто не знает, отчего появляются такие двойники. Видимо, сильная энергия их создает. Кто-кто, а ты-то знаешь, что у всех людей она разная. Ты своего видел?

– Нет, только на фото. И это моя абсолютная копия. Лишь отсутствуют клейма роз.

– В моих силах вас соединить, – после паузы сообщила шаманка.

– Но тогда любовь вернется, – сказал он.

– Наверняка! – подтвердила она.

– Я должен подумать…

– Решай. А я готова принять тебя в любое время, – ответила Сойжима. – Баяртэ! – попрощалась она на бурятском.

– Баяртэ, – растерянно повторил он и услышал в трубке короткие гудки.

Виктора удивило, что шаманка ни словом не обмолвилась о том, что некая адова сущность собрала выделенную энергию и унесла ее с собой. Он хорошо помнил, как Сойжима была тогда напугана и говорила о смерти, забравшей любовь. И вот сейчас спокойно предложила провести обряд воссоединения.

«Наверняка она что-то знает, – размышлял Виктор, – но не хочет мне говорить. Хотя, как я понял, в обычаях шаманов как можно меньше общаться на вербальном уровне. Многословие у них не в чести. И это в чем-то верно, ведь и мне энергетическое поле почти всегда говорит намного больше о человеке, чем беседа с ним. Недаром существует поговорка: ангелы любят молчание, а демоны – слово».

– Милый, – услышал он нежный голосок.

И сонная Лиза вышла на балкон. Она была обнажена и поеживалась от холода.

– Простудишься, солнышко, – озабоченно заметил Виктор, усадил девушку на колени и укутал в свой халат.

– Ты чего так рано поднялся? – пробормотала она, крепко прижалась к нему и положила голову на плечо.

От ее волос пахло ванилью, и Виктор мягко поцеловал девушку в макушку.

«А ведь я могу спокойно жениться на ней, – подумал он. – Без любви это вполне допустимо. И всегда рядом будет близкий мне человек. Если все объяснить Идрису, то он поймет и допустит такой брак… Хотя ловцы никогда не женятся. Но можно просто вместе путеше-

ствовать, не вдаваясь в подробности моей работы. Лолита отлично вписалась в мою кочевую жизнь».

Он вздохнул, вспомнив погибшую подружку. Ее очень не хватало. Но вот появилась Лиза, и пустота заполнилась.

– Не спится чего-то, – ответил Виктор на ее вопрос. – Да и пора уже делами заняться.

– Делами? – удивилась она и выпрямилась. – Ты примчался из Парижа за мной, хотя мы решили, что ты будешь ждать меня там. И какие могут быть дела, кроме подготовки к свадьбе?

– И я об этом, – вывернулся Виктор. – Какие у тебя планы, раз уж я здесь?

– Познакомить с родителями, уговорить их поехать на церемонию во Францию, – ответила девушка. – Но предупреждаю, они категорически против. Папа заявил, что свадьба поначалу пройдет здесь, а потом мы можем уезжать и делать что хотим, хоть Букингемский дворец снимать для помпезного мероприятия. И еще проблема с платьем, – после паузы добавила она.

– Купим тебе любое, какое захочешь, – весело ответил Виктор, но в душе начали кошки скрести.

Он пока шел на поводу у Лизы, потому что был слишком расслаблен и физически ослаблен беспрерывным секс-марафоном. Ему не хотелось сейчас ни о чем спорить, принимать какие-то кардинальные решения. И он поддакивал девушке.

– Витенька, я же тебе рассказывала, что у нас в семье нерушимая традиция: дочка выходит замуж в платье матери, – сообщила Лиза. – И я его вчера даже примерила.

– Что, такое ужасное? – спросил Виктор.

– Сейчас покажу! – ответила она, схватила его за руку и потащила в гостиную.

Лиза достала айфон и нашла снимок. Виктор заулыбался, увидев на ее стройной фигуре мешковато сидящее простое белое платье до колен, фасона 70-х. Короткая белая фата топорщилась над ее волосами, забранными в высокую прическу, и напоминала накрахмаленную занавеску. Искусственный, пожелтевший от времени цветок, приколотый на правое плечо, завершал образ.

– Ну нет! Бабушкин стиль… Это никуда не годится, – возмутился он.

– Вот! – торжествующе проговорила Лиза. – А я о чем!

– Все это решаемо, – беззаботно ответил он и прижал девушку к себе.

Халат сполз с ее плеч, грудь обнажилась. И Виктор вновь ощутил всплеск возбуждения. Он прижал девушку к себе и начал нежно покусывать соски. Лиза запрокинула голову и тихо застонала. Через минуту они оказались в постели.

Из записной книжки:

«Рай здесь нашел, за чашею вина, я
Средь роз, близ милой от любви сгорая.
Что слушать толки нам про ад и рай!
Кто видел ад? Вернулся кто из рая?»

Омар Хайям

За обедом Виктор все же поругался с Лизой. Она была взвинчена и резко реагировала на все его возражения против немедленной встречи с родителями. На его счастье, девушка пока не успела сообщить им о приезде «жениха». Она была слишком занята все эти дни.

Любовники не вылезали из постели, и Лиза с головой ушла в эмоции. Но отрезвление все же наступило.

– Сейчас я позвоню маме и предупрежу, что вечерком мы зайдем, – заявила она, когда съела послеобеденный десерт.

Они сидели в уютном малолюдном ресторанчике на площади Победы, настроение Виктора оставляло желать лучшего. Ситуация казалась ему тупиковой, все слишком далеко зашло, и он жалел о своем малодушии. Надо было сразу расставить все точки над «i», но ему безумно хотелось физической близости, жара страсти. Виктор осознал, что трехдневный секс-марафон послужил своего рода наркотиком. Это помогло разгрузить психику, но сейчас его ждала расплата. Он твердо решил сказать Лизе, что пока не может жениться.

Девушка достала из сумочки айфон, и Виктор резко схватил ее за руку.

– Ты чего? – удивилась она.

– Не звони! – сказал он. – Я пока не хочу знакомиться с твоими родителями.

– Это почему? – настороженно спросила она и положила айфон на столик.

– Лиза, милая, – собравшись с духом, начал Виктор, – мои дела не позволяют мне сейчас жениться. Возникли кое-какие непредвиденные обстоятельства. Поэтому я не хочу торопить события и уж тем более ставить и тебя, и твоих родителей в неловкое положение. Давай возьмем паузу.

– Я так и знала! – нервно проговорила Лиза и сжала руки в замок так сильно, что побелели костяшки пальцев. – Я сразу была уверена, что мы не пара. Ты – богат, красив, образован. К тому же ты будто принц! А кто я? Неудавшаяся моделька без образования. Рядом мы наверняка смотримся странно. Я не так красива и совсем не эффектна. И не обладаю изысканными манерами. Разве такая спутница нужна принцу?

Виктор с изумлением посмотрел на девушку. Он не сомневался, что она уверена в своей исключительности. Правда, когда он любил, то видел ее совсем другими глазами, и Лиза казалась ему божественно прекрасной. При нынешней встрече он сразу погрузился в «пучину страсти», как любят выражаться в женских романах, и ему было не до сравнений. Но вот сейчас он словно впервые увидел девушку трезвым взором. Лиза, несомненно, обладала утонченной прелестью, но ее красота была несовременной. Таких часто называют «мышь серая» или «бледная моль». Без косметики Лиза выглядела невыразительно и сливалась с толпой. Единственное, что ее выделяло, это высокий рост. Девушка обладала худощавой и немного нескладной фигурой с узкими бедрами и широкими плечами – типичная «вешалка», так любимая дизайнерами одежды.

Виктор вспомнил ее портрет, написанный художником Клодом, с которым он познакомился на Лидо. Он так влюбился в образ на холсте, что купил полотно за баснословную сумму. Нежнейшая, казавшаяся ангелом юная блондинка стояла в арке из шпалерных роз. Раскрытые мелкие бутоны розового цвета сплошь покрывали зелень листвы и оттеняли белую кожу девушки. Ее распущенные светло-пепельные волосы развевались, словно арку пронизывал сильный сквозняк. Позади девушки просматривался морской пейзаж, написанный неярко и будто размытый молочным туманом. Белое легкое платье, колышущееся на ветру, обвивало точеную фигуру. Овал рафаэлевских мадонн, светлые глаза с опущенными длинными ресницами, маленькие бледно-розовые губы с опущенными кончиками, крохотные слезинки в уголках глаз, сияющие, как росинки в чашечке цветов. Казалось, девушка на портрете смотрит внутрь себя и о чем-то грустит. Вдохновение художника создало эфемерно-прекрасный образ. И вот сейчас Виктор смотрел на оригинал и ничего завораживающего не видел.

«Я же не люблю, – размышлял он. – А сейчас наступила сильная реакция после всех этих бе-зумств тела. Страсть без любви всегда приводит к пресыщению. И нужно расстаться именно сейчас, пока я так опустошен».

Ни о какой женитьбе Виктор уже не помышлял, он рассуждал трезво, флер возбуждения больше не затмевал разум.

– Ты не права, – как можно более мягко ответил Виктор и взял ее за руку. – Ты ведь не в курсе моих дел. А они у меня имеются. Капитал требует заботы, иначе быстро его лишишься. Мне необходимо срочно уехать, и я пока не могу сказать, сколько буду отсутствовать.

– Я ничего не понимаю, – устало проговорила Лиза и спрятала руки под стол.

Она сидела, ссутулившись, и напоминала озябшую птичку.

– Мы расстаемся на время, – ласково проговорил Виктор, с тревогой наблюдая, как сияющая аура девушки заполняется угрожающими фиолетовыми тонами. – И не нужно так огорчаться. Все образуется.

– Да пошел ты! – вдруг вспылила она. – Всегда одно и то же! Я была недостойна Мишеля, и сейчас ситуация повторяется. Вот уж правда, от судьбы не уйти. И видно мне на роду написано влюбляться в мужчин, которые мне не по статусу.

– Глупости все это, – сказал он.

– Да пошел ты, – тихо повторила Лиза и встала.

Она сняла помолвочное кольцо и положила его на стол. Затем стянула шаманский амулет с шеи и присоединила его к кольцу.

– Твои подарки. Забери их, – глухо сказала она.

– Солнышко, зачем ты так? – огорчился Виктор.

Правда, инстинктивно он даже обрадовался, увидев свой оберег, и сразу захотел взять его. Но ситуация не позволяла так поступить, и он настойчиво проговорил:

– Ты все неправильно понимаешь. Мы вовсе не расстаемся, и подарки я забирать не буду. Они твои! Не обижай меня.

Лиза глянула на него, ее щеки покраснели, глаза увлажнились. И она все же надела обратно и кольцо, и амулет.

– Вот и умница! – с облегчением произнес Виктор. – Давай выпьем кофе, ты успокоишься, мы все обсудим. Я же говорю, мы расстаемся ненадолго, я все решу…

– Ты опять?! – перебила она. – Снова завел песню о расставании! Значит, отказываешься знакомиться с родителями?

– Не сейчас, – упрямо ответил он, начиная раздражаться. – Неужели так трудно войти в мое положение?

– Не хочу больше тебя видеть! – резко сказала Лиза, снова впадая в гнев. – Не хочу вдаваться в подробности, почему ты меня бросаешь, не хочу слышать никаких придуманных историй о якобы неотложных делах, не хочу! Не хочу!

– Подожди! – испугался Виктор, видя, как ее буквально затопило агрессивно-красной энергией с проблесками фиолетовой депрессивной. – Не уходи вот так.

– Не хочу! – выкрикнула она и выбежала из ресторана.

– Черт бы все побрал, – пробормотал Виктор, но не пошел за девушкой.

Ему нужно было все обдумать. Но то, что Лиза покинула его, даже радовало. Пока он не разобрался с двойником, им лучше было не встречаться.

Из записной книжки:

«…Другая группа исследователей учит, что чувством не обладает даже тело человека, за исключением мозга, который является местом нахождения чувства. Они говорят, что мозг испытывает боль, а вовсе не палец, когда последний ранен.

> …Все зависит от того, что мы подразумеваем под «чувством». И не нужно впадать в крайности. Если мы имеем в виду просто реакцию на воздействие, такую как отскок резинового мяча, брошенного на землю, тогда, конечно, правильно приписывать чувство минеральным, растительным и животным тканям; но если мы имеем в виду удовольствие и боль, любовь и ненависть, радость и горе, было бы абсурдным приписывать их низшим формам жизни, обособленным тканям, минералам в их естественном виде, или даже мозгу, потому что такие чувства являются выражением обладающего самосознанием бессмертного Духа, а мозг – это лишь клавиатура чудесного инструмента, на котором человеческий Дух играет свою симфонию жизни, как музыкант выражает себя на своей скрипке».
>
> *Макс Гендель*
>
> *«Космогоническая концепция розенкрейцеров»*

Виктор решил поехать в Париж, чтобы разыскать двойника и разобраться в происходящем на месте. Он понимал, что первопричина всему Соланж и для начала необходимо встретиться с ней. Все это время она не давала о себе знать. Но сначала необходимо было посетить Ковров. Он беспокоился о Еве и хотел убедиться, что с девочкой все в порядке. Он несколько раз созванивался с Петром Ивановичем, и тот заверял, что никаких проблем не возникает. Но Виктор хотел во всем убедиться лично.

В Калининград он летел, но обратно решил вернуться поездом. Виктору многое нужно было обдумать, и такой способ передвижения всегда его успокаивал и приводил мысли в порядок. Быстро меняющаяся картинка за окном, перестук колес, обычные люди в вагоне, занятые едой и ни к чему не обязывающей болтовней, – все это настраивало на определенный лад и утихомиривало разыгравшиеся эмоции. Если, конечно, в попутчики ему не попадался клиент. Тогда приходилось работать, и ни о каком релаксе речи уже не шло.

Виктор выбрал рейс на 13:47 с прибытием в Москву в 09:18. Он выкупил все места и, зайдя в купе, порадовался одиночеству. Необходимо было побыть в полной изоляции от людей, решение по поводу Лизы пока не приходило, и это его угнетало. Он расположился на нижней полке по ходу движения поезда, сообщил пришедшей проводнице, что ни в чем не нуждается и чай пить не будет. Она с любопытством смотрела на импозантного пассажира, выкупившего целое купе, но лишних вопросов не задавала.

Первые пару часов Виктор бездумно следил за проплывающими пейзажами, затем начала давить депрессия, и он решил лечь спать. Перекусив наскоро в вагоне-ресторане, вернулся в купе и улегся лицом к стене. И снова появились мрачные мысли и будто накрыли его непроницаемым колпаком. Лизу он не любил, но бурный секс с ней вызвал сильную привязку. Одолевала тоска по ее телу, запаху, тембру ее голоса, прикосновениям ее нежных теплых пальцев, ласкам. Без сомнения, она любила, но Виктор никак не мог понять, отчего девушка так легко перенесла чувство с двойника на «оригинал». Он допускал, что Лиза испытывала к нему сильную симпатию, и когда встретила псевдо-Виктора, то быстро поддалась мощной энергии любви, исходящей от него, и приняла одно за другое. Возможно, ей лишь казалось, что она влюбилась. Но как можно до конца узнать душу женщины? Для Виктора она, даже несмотря на его нынешние сверхспособности, так и оставалась загадкой. И обычно с женщинами-клиентками было намного сложнее работать, чем с мужчинами.

«Умом все это не понять, – сказал он себе, – надо отложить решение и пока плыть по течению. Время само все расставит на места. Но до тех пор мне лучше с Лизой не встречаться. Сначала двойник, затем – по обстоятельствам».

И Виктор начал успокаиваться. Он легко заснул около шести вечера. И проснулся через двенадцать часов, словно от толчка. Поезд тормозил. Виктор выглянул в окно и уви-

дел, что они прибыли в Вязьму. Вагон остановился как раз напротив вывески на вокзале. Только начало светать. Серая мутная дымка заволакивала пространство, желтоватые огни слабо подсвечивали перрон. Виктор увидел нескольких пассажиров, спешащих к поезду. Он лениво потянулся и отвернулся от окна. Ему захотелось снова лечь и заснуть. До прибытия в Москву оставалось еще около трех часов.

Виктор услышал шаги в коридоре, но не придал этому значения, ведь его купе оставалось недоступным для других пассажиров. Но тут в дверь тихо стукнули. Он недовольно нахмурился и открыл задвижку. И отступил на шаг. Из коридора на него надвинулся мощный силуэт темнокожего мужчины в черном плаще.

– Идрис, – пробормотал Виктор и сел на нижнюю полку.

– Доброе утро, – вежливо поздоровался высший и устроился напротив.

– Какими судьбами? – неохотно спросил Виктор, не поднимая глаз и стараясь как можно быстрее выстроить перед собой защитный энергетический экран.

Виктор давно подозревал, что все высшие обладают телепатическими способностями, и хотя правилами Ордена категорически запрещалось читать мысли подчиненных, он был уверен, что при необходимости они этим пользуются. А Виктору было что скрывать от начальства.

– По делам заезжал в Вязьму, – спокойно сообщил Идрис и мягко улыбнулся.

Виктор посмотрел в его раскосые золотисто-карие глаза и улыбнулся в ответ нарочито дружелюбно.

– Ты в курсе, что во многих городах есть наши базы, – продолжил Идрис. – Как правило, они организованы при старинных монастырях или в заброшенных древних храмах. В Вязьме есть прекрасный комплекс Иоанно-Предтеченского женского монастыря.

– Женского? – уточнил Виктор, чтобы оттянуть время и собраться с мыслями.

– Да, – кивнул высший. – А что тебя так удивляет?

– Понимаю, что монастырь тут ни при чем, – сказал Виктор. – Просто ассоциация: в ловцы не очень охотно посвящают женщин.

– Поначалу это был мужской монастырь, – сообщил Идрис. – Основан в шестнадцатом веке преподобным Герасимом Болдинским. А в семнадцатом на территории возвели соборный трехшатровый храм во имя Смоленской иконы Божией Матери Одигитрии. Прекрасное здание! Каменные узоры словно кружева… После революции монастырь закрыли, а во время Великой Оте-чественной он был почти разрушен. Наш Орден вложил немало средств в его восстановление. И с тех пор у нас есть свое помещение для проведения обрядов. Но сам понимаешь, оно, как и все ему подобные, тайное и открыто для нескольких посвященных. Православные церкви охотно идут на контакт с нашим Орденом, ведь самоубийство в христианстве один из смертных грехов. Не мне тебе говорить. Ты успокоился? – неожиданно спросил Идрис и вонзил в собеседника острый рентгеновский взгляд.

Виктор невольно вздрогнул, поняв, что высший видит его насквозь, и этот пространный экскурс в историю вяземского монастыря всего лишь уловка, чтобы дать подчиненному время прийти в себя.

– Мне не с чего волноваться, – ответил он. – Я понимаю, что наша встреча не случайна. Но по приезде в Москву я бы по-любому позвонил тебе.

– Насколько я понимаю, ты наметил ехать дальше. В Ковров?

– Да, – не стал отрицать Виктор. – Кое-какие незавершенные дела.

– Ева? – резко спросил Идрис.

– Значит, Орден в курсе, – тихо проговорил Виктор и нахмурился.

– Но это всего лишь эпизод, насколько я понимаю, – после паузы сказал Идрис и снова пронзил его острым взглядом.

– Я спас Еву от прилипалы…

– Можешь не повторять свой отчет, – оборвал его высший. – Я с ним ознакомился. Но почему девочка до сих пор в твоем доме?

– Мне нужно было уехать…

– Знаю! Но почему ты решил встретиться с Лизой? – снова оборвал его Идрис, задав очередной вопрос.

Виктор опустил голову. Ему стало нехорошо. Голова начала кружиться, появилась тошнота. Он понял, что Идрис пытается пробить его защитный экран и применяет запрещенные приемы. Он не стал дожидаться, когда упадет в гипнотический вакуум, вскочил и покинул купе. В туалете Виктор долго стоял, опустив горящее лицо в подставленные ладони с льющейся в них ледяной водой. Когда пришел в себя и полностью смыл чужую программу, которая уже практически прилипла к нему, выпрямился и пристально посмотрел на себя в зеркало. Его красивое лицо потемнело, глубокие морщины между выразительно изогнутыми бровями придавали возраста, яркие губы были сжаты. Виктор закрыл глаза и начал медитировать, пытаясь полностью восставить энергетическое поле. Минут через десять ему это удалось. Он глубоко вздохнул и вернулся в купе.

Идрис встретил его улыбкой.

– Как самочувствие? – спокойно спросил он.

– Сейчас в норме, – хмуро ответил Виктор и сел напротив него. – И вот что, давно хочу выяснить одну вещь…

– Говори! – сказал Идрис и прищурился.

– Разве высшие имеют право воздействовать на ловцов своей пятерки энергетическими методами? – четко проговорил Виктор и выпрямился, глядя в упор на собеседника.

– Бунт? – раздраженно уточнил Идрис. – Будешь жаловаться Совету?

– Ты даже не отрицаешь, – заметил Виктор. – А ведь мы и так постоянно на пике эмоций, нервная система жутко расшатывается.

– А ты экран-то не выстраивай, – зло сказал Идрис. – На это уходит колоссальное количество энергии. Я как рассуждаю: если моему ловцу нечего скрывать, то и защита не нужна. Но именно ты постоянно закрываешься. Вот и приходится действовать не всегда гуманно…

– Ладно, оставим это, – устало проговорил Виктор. – Ева временно в моем доме. И я как раз хочу все решить, когда вернусь в Ковров. Не волнуйся, девочка со мной не останется. Да и на каком основании? Еще не хватало, чтобы меня обвинили в педофилии. По поводу Лизы. Можешь тоже быть спокойным. Я не люблю ее. Это был лишь секс, ничего более.

– Но зачем ты разыскал ее? – осторожно поинтересовался Идрис. – Неужели только из-за секса? Ведь его можно просто купить и легко сбросить напряжение. Все мы так делаем. Зачем было ехать в Калининград? Отвечай честно. Иначе я снова начну пробивать твое поле.

Виктор вздохнул. Он не хотел посвящать начальство в то, каким способом избавился от чувства. Иначе пришлось бы признать сам факт его «преступления». И он решил сказать полуправду.

– Моника встретилась со мной и заявила, что видела меня в Париже, – сообщил он. – А я в это время как раз активно работал в Москве, а затем в Питере.

– Интересно, – явно напрягся Идрис.

– И видела она меня якобы в компании Лизы, – продолжил Виктор. – Я поначалу решил, что это какая-то хитрая игра прилипал. Но ты знаешь, что Моника контактирует со мной уже не первый год, да и выглядела она вполне искренней…

– Чего?! – развеселился Идрис. – Искренняя прилипала? Ну ты даешь! Сказочником становишься. Всегда говорил, вредно дружить с врагами.

– Я и не дружу, – тихо ответил Виктор. – Просто так по жизни получается, что мы пересекаемся.

– Хорошо, не будем о прилипалах! – предложил Идрис. – Я понял, зачем ты решил встретиться с Лизой. И каков результат?

– Я даже видел якобы наше селфи, – сообщил Виктор. – И это реально мой двойник.

– И что ты решил? – после паузы уточнил Идрис.

– Закончу дела в Коврове и отправлюсь в Париж. И вот еще что…

Виктор боялся упоминать имя Соланж. Это вызвало бы новый поток вопросов. Но выхода не было.

– Не тяни! – подтолкнул его высший. – Что хотел?

– Знаю, это запрещено, но только ты мне поможешь, – сказал Виктор, глядя в глаза высшего. – Мне нужно знать, где сейчас Соланж.

– Зачем? – быстро спросил Идрис.

– После Совета, и ты это знаешь, она нашла меня сама. Секс был хорош, – сказал Виктор. – Эта женщина меня необычайно притягивает и волнует… но чисто на физическом уровне.

– Хочешь перебить тягу к Лизе? – предположил Идрис. – А просто шлюха? В Париже их предостаточно и очень искусных.

– Боюсь, что обычная проститутка тут не поможет, – серьезно ответил Виктор, обрадовавшись, что высший, сам того не понимая, подсказал ему правдоподобную версию его интереса к Соланж. – Я разругался с Лизой, но придется найти ее из-за двойника и проследить. Она-то не в курсе происходящего. Знаю, что она купила домик в Пуату-Шаранта. Думаю, она уже уехала туда. И боюсь, что когда ее увижу, не смогу преодолеть физическое влечение. Понимаешь, – Виктор понизил голос и наклонился к высшему, – только Соланж изматывала меня так, что я долгое время не мог даже смотреть на других девушек.

– Интересно, – задумчиво произнес Идрис.

– Ты не думай, что я запал на нее, – продолжил Виктор, решив зайти дальше и кое-что выяснить. – Соланж – странная женщина, что-то есть в ней… отталкивающее.

– Вот как? – оживился Идрис. – Но ведь ты только что сказал, что она притягивает. Ты сам себе противоречишь.

– Я имел в виду, что никогда бы не смог полюбить такую женщину, – пояснил Виктор. – С ней хорош лишь секс, но вот душевная привязанность исключена. Такие у меня ощущения. И вообще я сильно удивился, увидев ее на Совете. Никогда не думал, что женщина может быть руководителем пятерки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.